

МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЙ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ
Д. 07.05.278

На правах рукописи
УДК 947 (574) (043.3)

Капекова
Гульнар Абдуллаевна

**Семиречье в первой трети XX века:
социально-экономическая и общественная история**

Специальность 07.00.02 – история Кыргызстана

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Бишкек – 2005

Работа выполнена в Жетысуском государственном университете имени
И.Жансугурова Республики Казахстан

Научный консультант: академик НАН РК, доктор
исторических наук, профессор
Нурпеис Кенес

Официальные оппоненты: академик НАН КР, доктор
исторических наук, профессор
Плоских В.М.,
доктор исторических наук, профессор
Пихоя Г.Р.,
доктор исторических наук
Абылхожин Ж.Б.

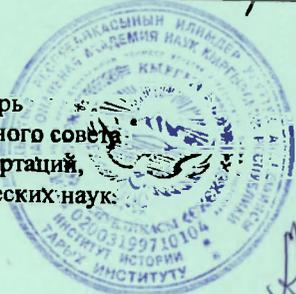
Ведущая организация: Кыргызский государственный
педагогический университет имени
И.Арабаева

Защита состоится « 1 » июня 2005 г. в 14⁰⁰ часов
на заседании диссертационного совета Д. 07.05.278 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора (кандидата) исторических наук при Институте
истории Национальной академии наук Кыргызской Республики по адресу:
г. Бишкек, проспект Чуй, 265-а

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке
Национальной академии наук Кыргызской Республики

Автореферат разослан « 29 » апрель 2005 г.

Ученый секретарь
межведомственного совета
по защите диссертаций,
доктор исторических наук:

А. Джуманалиев

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Семиречье первой трети XX века во многих отношениях можно назвать маргинальной, т.е. пограничной или “пороговой” историко-культурной провинцией. В качестве исходного, системного фактора такого определения послужила его пространственно-территориальная локализация и уникальная эволюция природных ландшафтов. Это регион, где альпийские экологические ниши сменяются степными и пустынными экосистемами. Находясь на периферии пастбищно-кочевых скотоводческих и оседло-земледельческих территорий, Семиречье вмещало различные хозяйственно-культурные модификации. Спектр их простирался от кочевого и полукочевого скотоводства до богарного и поливного земледелия, а также комплексных типов экономики.

Хозяйственные традиции имели своих конкретных носителей. Каждый этнос осваивал свою нишу, наиболее полно соответствующую его этнокультурным стереотипам. Так, автохтонные казахи, наряду со скотоводством, издревле адаптировали здесь земледелие, причем очень часто его технически наиболее сложную и трудоемкую форму – поливное земледелие. Крестьяне-колонисты из внутренних районов России привнесли в Семиречье традиции богарной обработки земли, а дунгане и уйгуры – опыт овощного и бахчевого производства. Регион наращивал не только хозяйственную разновекторность, но и полиэтничность в структуре народонаселения.

В рассматриваемый период общинные структуры сохраняли свою роль социокультурных изолятов. Колониальный характер городов (как в дореволюционный, так и в советский периоды) блокировал миграционный “вход” сюда “туземного” населения. И, тем не менее, Семиречье было буквально пронизано этнокультурной диффузией. Каждый этнос выступал носителем определенной социокультурной традиции или культурной информации, понимаемой широко, как “народный жизненный опыт”. Разные этносы включались в общий синтез. В результате регион превратился в одну из самых “мультимедийных” территорий.

Отмеченные обстоятельства выделяют Семиречье из всех других регионов национальных окраин, превращая его в глазах исследователя в неординарный объект изыскательских штудий. Историография получает здесь все предпосылки для получения такого мыслительного материала, который не может воспроизвести история других территорий.

Действительно, где еще можно отследить опосредованность типов расселения симметрией природно-ландшафтных характеристик и хозяйственно-культурных традиций? В рамках какого региона возможен анализ в одном и том же временном промежутке степени включения в товарно-денежные, рыночные отношения не только разных типов организации воспроизводства, но и этносов в целом? Разве не получает исследователь истории Семиречья уникальную возможность опровергнуть или, напротив, подтвердить столь дискуссионный для современной историографии тезис о “внешнем характере”, “инородности” Октябрьской революции для национальных окраин?

Здесь можно обозначить немало исследовательских проекций, которые рельефно отслеживаются на историческом материале Семиречья, и поэтому включаются в предметно-целевой ракурс нашей работы. Таким образом, представляется, что тема Семиречья в контексте ее конкретно-исторического анализа имеет достаточно сильные научно-познавательные посылы.

Данная проблема обнаруживает также мощное присутствие прикладных возможностей, т.е. имеет практический выход. В этой связи, по-видимому, следует напомнить, что в советский период развития исторической науки национальная историография была ограничена в изучении собственной региональной истории. Попытки развернуть исследования по истории отдельных субрегионов той или иной союзной республики рассматривались в соответствии с установками ВАК СССР как проявление "мелкотемья", "узкой локализации" и т.д. При этом никак не принималось во внимание, что объект нашего исследования - Семиречье - по площади больше иных европейских государств вместе взятых.

В условиях идеологического конформизма находились и критики исторической регионалистики, которые усматривали в ней проявление так называемой "жузовщины" и трайбализма. Все это сдерживало развитие жанра исторической регионалистики. Следствием подобной политики явилось то, что целые регионы республик в преломлении к отдельным историческим сюжетам (например, истории коллективизации или индустриализации, периодов нэпа и "военного коммунизма", раскулачивания и политических репрессий, имперской политики царизма и Временного правительства и т.д.) оставались настоящими "terra incognita". Ясно, что такое положение вещей обернулось если не зияющими, то весьма видимыми и ощутимыми провалами.

Нельзя не отдать дань уважения краеведам, которые в меру своих сил пытались восполнить образовавшиеся ниши своими разработками. Однако, по вполне понятным причинам в этих разработках эмоциональное начало довольно часто вытесняло научно-рациональное видение. Именно поэтому произрастали вымыслы и мифы, которые переключивались на страницы местных средств массовой информации, а затем транслировались в школьных и вузовских аудиториях.

Противостоять этому способно историческое сознание, которое формируется на основе научно-рационального знания, адекватного историческим реалиям. "Производство" научно-рационального знания, а затем его продвижение в учащуюся среду и общественное сознание - есть одна из самых актуальных задач исторической науки. В этом усматривается сегодня функция исторической науки, ее потенциал как инструмента обновления общества, его консолидации и нацеливания на решение задач будущего. Диссертация разворачивается в жанре исторической регионалистики, в ней учитывается именно прикладная установка и осознание того, что история Семиречья, изучаемая в категориях академического исследования, позволяет ее реализовать.

Степень разработанности проблемы. Известно, что актуальность выбора той или иной научной проблемы в существенной мере определяется степенью ее историографической разработки.

Проблема нашего диссертационного исследования относится к ряду именно таких прецедентов. Как и во многих других проблемных сюжетах историографии по отношению к интересующему нас вопросу имеет место рост без развития. Другими словами, чисто экстенсивное освоение проблемы не сопровождалось приращением качества в ее понимании.

Нельзя не признать, что в изучении истории Семиречья наработан достаточно серьезный опыт. Однако, к сожалению, вследствие влияния определенных факторов он, на наш взгляд, подвержен некоторой коррозии. В числе таких девальвирующих моментов видится, прежде всего, феномен идеологизации полученного исторического знания, т.е. интерпретации его в строгой зависимости от санкционированных государством доктрин.

Поскольку речь идет об истории Семиречья первой трети XX века, то она оказалась объектом приложения имперской идеологии, причем в двух разных ее модификациях: российско-самодержавной и советской.

Понятно, что направленность и содержание российской дореволюционной историографии изучения Семиречья были движимы, имперскими геоэкономическими и геополитическими интересами. В начале XX века Семиречье являлось территорией интенсивного колониального освоения.

Реформы царского премьер-министра П.Столыпина оторвали от сельского мира массы русских крестьян и двинули их на колониальные окраины империи. В этой связи возникла необходимость в познании колониального потенциала региона, изучения возможностей абсорбции его ресурсов для нужд метрополии.

В контексте этих задач исследовались, например, поземельные отношения, сложившиеся в колониальном Семиречье. В этой связи необходимо указать на публикации таких русских исследователей, как А.Кауфман, Г.Гинс, П.Румянцев. Под руководством П.Румянцева были проведены детальные обследования крестьянских хозяйств Семиречья, итогом которых стали "Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования". Это издание включает не только обильный статистико-экономический материал, но весьма компетентные комментарии исследователей.

Богатый историографический материал обнаруживается в периодике того периода. Особенно информативен в этом отношении журнал "Вопросы колонизации". Здесь были опубликованы, например, такие интересные статьи, как "Итоги переселенческого дела за Урал за десятилетие: с 1906 по 1911 гг.", "Условия колонизации Семиречья", "Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем" и другие.

Надо сказать, что проблема колонизации довольно часто становилась объектом анализа социально-экономической и общественно-политической публицистики. Понятно, что подобная публицистика в целом была абсолютно созвучна имперским геоэкономическим устремлениям, т.е. здесь колонизация получала исключительно позитивные оценки. Характерны в этом отношении работы Н.Турганчинова и А.Домрачева "Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг." или С.Велецкого "Семиреченская область и ее колонизация". Тем не менее, даже в публикациях подобного рода присутствовал достаточно богатый аналитический материал.

Интенсивность колонизации восточных окраин империи резко возросла в связи со столыпинскими реформами. Целью их было освобождение сельских производителей от общинных корпоративных структур, которые выступали сильнейшим препятствием для проникновения на аграрную периферию тенденций капиталистического развития. Однако крестьяне-колонисты, прибыв на новые места и получив множество льготных преференций в вопросах землевладения (не только лучшие земли, отчужденные у коренного населения, но и значительные земельные территории), утратили всякий стимул к интенсификации своего производства. Интенсификация производства, как известно, является важнейшим условием капиталистической трансформации сельского хозяйства.

Крестьяне-переселенцы, отягощенные стереотипами “дедовской” агротехники, демонстрировали отнюдь не передовые приемы и способы земледелия по сравнению с местным населением.

Пытаясь оправдать ширококомасштабные экспроприации земель у казахов, многие представители русской публицистики дореволюционного периода соответствующим образом интерпретировали специфику кочевого хозяйства, подчеркивая якобы его иррациональный характер. Также вольно они трактовали механизм отношений собственности в казахском социуме, абсолютизируя институты первозахвата или генеалогически закрепленных традиций, высокомерно заявляя при этом, что в русской общине эти факторы давно изжиты.

Из российской дореволюционной историографии можно почерпнуть богатую информацию не только по социально-экономическим отношениям и социальной структуре Семиречья, но и его этнодемографической и этносодальной структурам. Например, обилие фактологического материала по казачеству обнаруживаются в работе Н.Леденева “История Семиреченского казачьего войска”, а по уйгурам и дунганам – в публикациях Г.Гинса.

Колониальная политика в области земельных отношений подвергалась критике на страницах молодой казахской периодики. Здесь довольно часто публиковали свои статьи представители национальной либеральной интеллигенции. Газета “Казах” неоднократно поднимала вопрос о неопределенности правового статуса земель края. На её страницах разворачивались дискуссии о судьбах кочевого хозяйства, злоупотреблениях администрации, развернувшей ширококомасштабную экспроприацию земель казахов. В журнале “Айкап” актуализировалась тема бесперспективности кочевого скотоводства, необходимости освоения казахами земледельческого типа хозяйственно-культурной деятельности. По вопросу земельных отношений журнал “Айкап” и газета “Казах” существенно расходились во мнении. Не было единства и среди участников дискуссий, поэтому часть их группировалась вокруг журнала “Айкап”, другая – вокруг газеты “Казах”. В этом конфликте идей кристаллизовалось будущее движение национальной либеральной интеллигенции “Алаш”, оттачивалась будущая программа партии “Алаш”, которую она предполагала реализовать в рамках национальной автономии.

Совершенно особый пласт историографии истории Семиречья первой трети XX века формирует литература, созданная в 1920-е - первой половине 1930-х

годов. Революционные события и гражданская война достаточно объективно описываются в публикациях непосредственных участников тех событий. Понятно, что это - видение лишь “по одну сторону баррикад”. А потому здесь очень живописно описываются прецеденты “белого террора”, а борцы за революционную идею предстают “агнцами божьими”. Между тем “красный террор” был подчас еще более лютым. Об этом свидетельствуют публикации в последние годы ранее запрещенных работ: “Туркестан под властью Советов” Мустафы Чокая или “Колониальная революция” Г.Сафарова (Володина). Достаточно объективная информация выявляется в серии публикаций Турара Рыскулова.

И все же так называемая “свидетельская” литература выступает больше источниковым материалом, нежели историографическим. В исследовательских целях представляется более важным проследить эволюцию именно историографических тенденций. В этой трансформации можно выделить несколько срезов.

Первый срез охватывает 1920-е - первую половину 1930-х годов. Двадцатые годы – период нэпа, т.е. время весьма значительного допущения в сферу экономической жизни капиталистических тенденций. Либерализация экономической жизни способствовала некоторому послаблению в сфере общественно-политической жизни. Безусловно, идеологический стержень оставался неизменным, сохранялись не только теоретико-методологические конструкции, но и сам понятийно-категориальный аппарат, который в работах того периода не отличался строгостью и был достаточно аморфен.

Отчасти это объяснялось тем важным обстоятельством, что основы идеологии нарождающегося государства (истмат или научный коммунизм), находились в стадии становления. Сложно было разобраться, какие работы соответствуют канонам марксизма-ленинизма, а какие нет. Именно этим история обязана появлению многих работ, в которых исследовательская мысль еще не “высушена” истматовской казуистикой, а анализ не подменяется бесконечным перебором цитат “классиков”. Именно к такому ряду работ следует отнести публикации Г.Тогжанова, С.Брайнина, С.Асфендиарова, П.Галузо, П.Трофимова, П.Кушнера (Кнышева), П.Погорельского и В.Батракова, А.Голубкова и других.

Однако вскоре государство посредством ширококомасштабных репрессий и непрерывной череды процессов над “врагами народа” оправились от “идеологических шатаний” и дало понять обществу, что “партия выработала генеральную линию”. Всякие отклонения от нее карались. “Скорбную жатву” познала и историография. Был расстрелян известный общественно-политический деятель и талантливый исследователь С.Асфендиаров, многие годы провел в сталинских лагерях П.Галузо. Система расправилась со многими исследователями, внесшими значительный вклад в зарождение и развитие собственно казахстанской историографии.

В период со второй половины 1930-х до второй половины 1950-х годов, т.е. в трагическую эпоху сталинизма любые творческие ростки трамбовались идеологическим катком государства. Это был этап историографии, когда уже никто не мог интерпретировать источниковое знание вне жесткого идеологического контекста.

И всё же это время не было “черной дырой” для историографии, как это пытаются показать некоторые современные “обличители”. Чтобы убедиться в этом, вовсе не надо взывать к совести адептов “разоблачительной историографии” или изодраться в поисках доводов против их обвинений. Достаточно взглянуть на справочный аппарат современных исторических исследований, в том числе – на работы тех же “критически” настроенных авторов, и можно убедиться, что публикации того периода продолжают жить. Общеизвестно, что важнейшим критерием актуальности и научной ценности той или иной работы является количество ссылок на нее. Несомненно, исследования этого периода за пределами идеологизированы. Но обилие фактов, буквально “горы” источников знания, наработанного исследователями, перевешивают избыток идеологизированности. Совершенно очевидно, что данный историографический материал требует нового прочтения сквозь призму современных теоретико-концептуальных воззрений. Тем не менее, подчеркнем это еще раз, работы С.Покровского, А.Турсунбаева, А.Кузнецова, Ф.Рыбакова, А.Кучкина, Б.Джамгерчинова, Б.Элбаева и др. еще долго будут служить историографии Семиречья.

Период “оттепели”, последовавший за XX съездом КПСС в 1956 г., в целом не изменил концептуального содержания историографии. И это понятно, ибо на съезде был осужден “культ личности Сталина”, но вовсе не сталинизм как фундаментальная основа советской социально-экономической и политической системы. Хотя надо признать, что в этот период появляется монолитная когорта исследований, отличающихся поистине мастерской аналитической процедурой. В этом ряду можно отметить фундаментальную монографию П.Г.Галузо “Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867-1914 гг.”, где проработан значительный статистический материал по социально-экономическим отношениям в Семиречье в предреволюционный период. Исследователи Семиречья считают эту книгу своей хрестоматией, хотя и она не лишена некоторых ошибочных версий. Например, явно завышена степень товаризации крестьянских переселенческих хозяйств и казахских дворов. Автор не различает товаризации сельского хозяйства как отрасли в целом и индивидуальных хозяйств. Но богатый фактический материал, приведенный в книге, при приложении к нему более современных концепций, способен дать совершенно новое видение вопроса.

Советский период социально-экономической истории Семиречья раскрывается в монографии Г.Дахшлейгера “Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. 1921-1929 гг.” В работе анализируется реформа земельно-водных отношений в Семиречье в 1921 г. Однако нетрудно заметить, что в силу продолжающей действовать идеологической цензуры, автор вынужденно “не обнаруживает”, а потому и не комментирует документы, выявляющие негативные аспекты реформы. То же самое можно отметить по поводу таких сюжетов, как создание кочевых и полукочевых хозяйств, деятельности союза “Кошчи” и т.д.

Если иметь в виду сюжеты, связанные с историей революции и гражданской войны в Семиречье, его советизации, политики “военного коммунизма”, то необходимо назвать работы С.Бейсембаева, С.Покровского, Т.Елеуова, А.Елагина, А.Турсунбаева, К.Нурпеиса, П.Тугова и других.

Весомый вклад в изучение этнокультурной и этнодемографической истории Семиречья внесли этнографы А.Сыдыков, С.Абрамзон, В.Дублицкий, Х.Аргынбаев, Н.Алимбаев, М.Муканов, В.Востров, С.Аджигалиев, Н.Масанов, а также историко-демографы М.Асылбеков, А.Гали, А.Алексеев. Новые и при этом достаточно серьезные коррективы в качественную эволюцию историографии внес государственный курс на политику “перестройки”, которая должна была распространяться в первую очередь на сферу общественно-политического бытия.

Процесс разрушения мифов, сформулированных советской историографией, как это ни удивительно, начался не в научной литературе, а в литературных и общественно-политических журналах, таких, например, как “Новое время”, “Знамя”, “Дружба народов”, “Огонек”. Постепенно к этому процессу стали подключаться специальные научные журналы Академии наук СССР, в том числе исторические – “Вопросы истории”, “История СССР” и др. Ветры перемен стали доходить и до Казахстана, правда, почти на излете политики “перестройки”. Появились первые публикации по печально знаменитым событиям 1920-х годов: сталинским силовым кампаниям по сельхоззаготовкам, крестьянским восстаниям, голоду 1932/33 года. На страницах центрального печатного органа – газеты “Казахстанская правда” развернулась дискуссия по истории движения национальной либеральной интеллигенции и партии “Алаш”.

В начале 1991 г. Институт истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова АН КазССР выпустил книгу “История Казахстана: белые пятна”, где был помещен ряд статей, затрагивающих оставшиеся “в тени” сюжеты истории Семиречья.

С обретением независимости начался процесс суверенизации отечественной историографии. Она стала освобождаться от прежних мифов и идеологии, от негласно одобряемых в советское время принципов этноцентризма, т.е. постоянной апелляции к концепции “старшего брата”, привязки периферийной по отношению к Центру истории к историческому процессу, протекавшему в собственно России. В русле развития этого процесса из отечественной историографии были изгнаны концептуальные стереотипы о “буржуазном национализме”, стало возможным говорить о колонизаторской роли царизма, о русификаторской политике без всяких “смягчающих” оговорок на теорию “наименьшего зла”, на “просветительскую роль российской империи на ее колониальных окраинах”.

Если на первых порах для историографии было характерно наращивание эмпирического материала преимущественно в виде так называемых “жареных фактов” (к сожалению, вскоре часть их стала основой “новой мифологии”), то вскоре начался процесс их рационализации, т.е. осмысленной и более спокойной, эмоционально нейтральной селекции. Используя известный афоризм, можно сказать, что время “разбрасывания камней” сменилось временем их “собирания”.

Со второй половины 1990-х годов в отечественной историографии появился ряд монографий, где исторический материал излагается уже не в описательной стилистике, а интерпретируется посредством новейшего теоретико-методологического инструментария и современного понятийно-категориального аппарата. К таким работам, имеющим проекцию непосредственно и на историю казахстанского Семиречья, следует отнести исследования М.Козыбаева, К.Нурпеиса, М.Койгельдиева, Ж.Абылхожина, Т.Омарбекова и др.

Проблема, вынесенная нами в качестве предмета исследования, имеет довольно развитую историографическую традицию. Однако специальному монографическому изучению в рамках жанра исторической регионалистики эта тема пока еще не подвергалась.

Цель и задачи исследования. Выявить в рамках историографического анализа истории Семиречья первой трети XX века теоретико-методологические и конкретно-исторические пробелы, актуализировали следующие предметно-целевые установки:

- выявление в "семиреченской историографии" тех стереотипов, которые блокируют адекватное понимание социально-экономической и политической истории региона в первой трети XX века;

- определение величины влияния этнокультурных характеристик на основные принципы организации и функционирования сельской общины (казахской скотоводческой, русской, казачьей, уйгурской и дунганской земледельческих);

- описание взаимосвязи этнокультурных хозяйственных традиций и дифференциации хозяйственно-культурных типов Семиречья в начале XX века;

- установление степени "периферийности" Семиречья по отношению к имперскому геоэкономическому и геополитическому пространству и следовавших из этого тенденций в развитии региона;

- принятие или отрицание трактовки Семиречья как промышленно депрессивного района с крайне ограниченными потенциальными возможностями к урбанизации его народонаселения;

- выявление роли Семиречья в революционных событиях: "Красная фронда" или "контрреволюционная Вандея"?

- воссоздание социально-экономической и общественно-политической жизни в Семиречье в годы сталинской коллективизации: смертность от голода и исход казахского населения в Китай;

- изучение характеристики этносоциальной структуры народонаселения в свете немарксистских теорий социальной стратификации.

Эти и ряд других научно-познавательных проекций послужили ориентирами для формирования предметно-целевого периметра, который охватывает данное диссертационное исследование.

Объектом исследования выступают политические, экономические, социальные и общественно-образовательные проблемы Семиречья первой трети XX века и их специфика. В работе исследуются исторические субъекты хозяйственных традиций и этноструктуры народонаселения региона, аграрная и промышленная инфраструктура, общественно-политическая жизнь Семиречья в первые годы революции, специфика нэпа и сталинской модели социализма, промышленная модернизация и ее проекции в Семиречье рассматриваемого периода.

Источниковая база. Для адекватной (с точки зрения научной объективности) реализации предметно-целевых установок диссертации необходимо было привлечь в исследовательскую процедуру знание не только объемное, но и диверсифицированное источниковое, как уже накопленное, так и ранее не вводившееся в научный оборот.

В ряду источников из дореволюционного информативного комплекса следует выделить, прежде всего, статистические материалы, которые готовились Семиреченским областным статистическим комитетом для ежегодных отчетов военного губернатора. Начиная с 1882 г., периодичность этих отчетов была ежегодной. "Обзор Семиреченской области" давал подчас весьма и весьма противоречивые сведения, особенно в части, касающейся казахских кочевых и полукочевых хозяйств, уйгурских и дунганских деревень и т.д. Тем не менее, при сопоставлении их материалов с другими источниковыми сообщениями можно получить достаточно объемную и относительно объективную информацию.

Так же информативен и важен такой фундаментальный источник, как "Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П.П.Румянцева", которые по своей основательной методике сравнимы с известнейшими материалами экспедиции Щербины в дореволюционном степном Казахстане.

Обширную информацию по переселению в Семиречье крестьян-колонистов предоставляет периодический сборник "Вопросы колонизации". Весьма информативна фундаментальная работа Н.З.Леденева "История Семиреченского казачьего войска". Материалы по уйгурским и дунганским хозяйствам, относящиеся к дореволюционной литературе, содержатся в работе В.Д.Гаева "Военно-статистические сведения об Имперском крае".

Если по аграрному производству как важнейшей сфере занятости народонаселения дореволюционного Семиречья имеется достаточно емкое источниковое знание, то этого не скажешь относительно промышленности. Наиболее известным каналом информации выступают здесь архивные материалы, хотя имеются интереснейшие данные, опубликованные в открытой печати: статистико-экономическое исследование В.Заорской и К.Александр "Промышленные заведения Туркестанского края".

Материалы, зафиксированные в Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г., выступают в нашей работе в качестве исходных, без которых невозможно отследить динамику демографических характеристик региона, в том числе - о масштабах переселенческой колонизации Семиречья. Материалы всероссийской сельскохозяйственной и промышленной переписи 1917 и 1920 годов организованы в рамках сравнительного динамического ряда и поэтому дают возможность наглядно видеть те изменения, которые произошли в Семиречье в годы гражданской войны и "военного коммунизма".

Обширная документальная база обнаруживается в опубликованных отчетах Совета народных комиссаров и других хозяйственных органов Туркестанской республики, партийных органов, в частности - съездов и конференций Коммунистической партии Туркестанской АССР.

Большой пласт источников формируют материалы периода новой экономической политики (1921-1928 гг.). С окончанием, вернее, блокированием нэпа, источники обретают все более эзотеричный, т.е. понятный лишь для узкого круга посвященной партийно-государственной номенклатуры, характер. Все большая часть документации и информации начинает получать грифы "секретно", "совершенно секретно", "для служебного пользования", "в одном

экземпляре” и т.п. Все это говорило о нарастании тоталитарной эволюции государства.

Начало работе по выявлению документов, связанных со сталинской политикой коллективизации сельского хозяйства, голодом 1932/33 годов, массовыми откочевками населения, крестьянским движением сопротивления, так называемой “кулацкой ссылкой”, политическими репрессиями и т.д., положила специально созданная Комиссия Верховного Совета нашей республики, возглавляемая академиком НАН РК М.К.Козыбаевым. Доклад Комиссии впервые раскрыл масштабность сталинских преступлений в Казахстане. Немало его страниц касалось непосредственно Семиречья, например, “дела” алашевцев, видных партийных и государственных деятелей республики и Алма-Атинской области и т.д.

Большая работа по восстановлению исторической справедливости была проделана Институтом истории и этнологии МОиН РК и казахстанским историко-просветительским обществом «Адилет» («Справедливость»). Определенным итогом их благородной деятельности стал сбор и публикация материалов по “казахстанской трагедии” (демографической катастрофы 1932-1933). В 1998 г. увидел свет сборник документов и материалов “Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. 1931-1933 гг.” Общество “Адил” выпустило ряд материалов “круглых столов”, проведенных по истории политических репрессий, которые дали много новой информации о тех трагических событиях, а также серию «Книг скорби» со списками лиц, расстрелянных по политическим обвинениям на территории Казахстана, в том числе и в Семиречье.

Наряду с опубликованным источниковым материалом колоссальные пласты информации сосредоточены в архивохранилищах. Это, в основном, фонды Архива Президента РК, Центрального государственного архива РК, областных архивов (Алма-Атинской и Талды-Курганской областей).

Ещё один корпус источников - это периодическая печать того исторического времени: “Туркестанская правда”, “Известия”, “Правда”, “Советская степь”, журналы “Красный Казахстан”, “Народное хозяйство Казахстана” и др.

Теоретико-методологическая основа работы. Как известно, любая информативная база лишь тогда способна воспроизводить научно-рациональное знание, когда ее «препарируют» посредством эффективного и выверенного методологического инструментария.

Высвобождение науки из-под догматов идеологизации (хотя бы в той степени, в какой вообще возможно говорить о независимости историографии как имманентной составляющей общественной идеологии) раскрепощает исследователей. Теперь они вправе апеллировать к такому мощному и фундаментальному принципу научного творчества, как теоретико-концептуальный плюрализм, включая сюда и право на собственное методологическое творчество.

Методологической основой диссертации являются объективизм и историзм с использованием цивилизационного подхода к событиям и явлениям, а также логический, статистический, сравнительно-сопоставительный и другие методы.

Хронологические рамки исследования охватывают историю Семиречья первой трети XX века. Это период, когда происходили события поистине макроисторического уровня: первая русская революция 1905 г., Февральская демократическая революция 1917 г., Октябрьская революция. Это было, по сути, начало трансформаций общественно-политических систем. Вместе с тем, это было время проведения Столыпинской реформы, масштабно отразившейся на изменениях в демографической, этнической, хозяйственной, социальной структурах народонаселения Семиречья. В 1924 г. произошло национально-территориальное размежевание Туркестанской АССР, в результате которого Семиречье как регион компактного проживания казахов (наряду с Сырдарьинской областью) было интегрировано в административно-территориальном отношении к Казахстану. Завершился период коллективизации сельского хозяйства и индустриализации, которые выступили точкой отсчета окончательного формирования советской тоталитарной системы.

Научная новизна исследования. Жанр исторической регионалистики относительно мало знаком казахстанской историографии. Уже поэтому работы, появляющиеся в данном направлении исследований, можно квалифицировать как новые.

В диссертации впервые инициируется полемика с некоторыми общими трактовками, наработанными в советской историографии по поводу истории общественно-политических, социально-экономических и культурно-идеологических событий в Семиречье первой трети XX века. По отношению к казахстанской историографии является весьма оригинальным и новаторским теоретико-методологический принцип постановки проблемы: история Семиречья рассматривается в контексте содержательно контрастных опытов модернизации (российско-имперского и советско-имперского). Концептуально по-новому интерпретируются на “семиреченском материале” такие фундаментальные сюжеты дореволюционной и начальной советской истории, как роль общинной кооперации в освоении природной среды, степень вторжения власти в традиционные структуры и ее пределы в условиях царизма и большевизма. Нельзя не отметить, что новизна многих аспектов диссертации определяется инновационной исследовательской процедурой. Это характерно, например, для анализа крестьянского протестного движения, как в колониальный период, так и в годы проведения силовой коллективизации сельского хозяйства. Новые подходы теоретико-методологического свойства задействованы в исследовании реформ периода нэпа, в результате чего их историческое содержание обретает качественно иные оценки. Новизна диссертации просматривается и в том понятийно-категориальном аппарате, который актуализирован последними достижениями исторической отрасли знания.

Практическая значимость результатов исследования заключается в их использовании в ходе преподавания дисциплин исторического, экономического и социально-культурологического профиля.

История Семиречья первой трети XX века, вне всякого сомнения, имеет достаточно мощные практические предпосылки для своего изучения, прежде всего потому, что постсоветское общество находится в стадии модернизации. И в поисках моделей ее оптимальной реализации было бы глубоко ошибочным

игнорировать прошлые модернизационные опыты со всеми их минусами и плюсами. Сегодня в постсоветских социумах явно или скрыто борются несколько тенденций развития, в том числе - традиционалистская и модернизаторская. Сторонники первой утверждают, что не может быть модернизации без задеирования традиций. Адепты радикальной модернизации настаивают на том, что последняя несовместима с рецидивами традиционализма. Уже одна эта дискуссия актуализирует исторический опыт российско-имперской и советской модернизаций. Ведь первая предполагала консервацию традиционных институтов, тогда как вторая преследовала их радикальную ломку. Поэтому здесь имеется весьма большой материал, который может быть продуктивно утилизирован применительно к текущей практике развития нашего общества. И, главным образом, именно в этом нам видится практико-прикладная функция проблемы, вынесенной во главу угла диссертационного исследования.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

- В первой трети XX века Семиречье продолжало оставаться маргинальной историко-культурной провинцией, находившейся на стыке двух цивилизаций - кочевой и земледельческой, а потому демонстрировавшей беспрецедентный синтез хозяйственно-культурных типов деятельности.
 - Семиречье как край с высоким сельскохозяйственным потенциалом являлся крупным центром интенсивного притяжения колонистов из внутренних районов метрополии в дореволюционный период. Крестьянская миграция, особенно усиливавшаяся в годы столыпинских реформ, усилила процесс "размывания" этнической гомогенности региона.
 - Расселение мигрантов в регионе весьма выражено соответствовало тенденции приближения самокультурных стереотипов хозяйствования к характеру осваиваемых эконис.
 - Изменения в этнической композиции народонаселения Семиречья вызвали и некоторое усложнение типов его социальной организации. И все же определяющими ее конструкциями оставались скотоводческая и земледельческая общины. Последние, оставаясь во многом автаркическими, т.е. самодостаточными изолятами, все же были включены в хозяйственные обменные взаимосвязи.
 - В дореволюционный период Семиречье оставалось на обочине нарождавшегося российского капиталистического геоэкономического пространства и выступало одним из его многочисленных сырьевых "доноров". Поэтому импульсы российской модернизации воспринимались Семиречьем лишь в качестве малоемкого рынка сбыта. Советская модернизация, вступившая в свою динамику сразу же с победой Октября, сначала расшатывала, а затем и полностью разрушила традиционные социально-экономические устои. Ответом на модернизацию радикального и форсированного типа стали, с одной стороны, массовые протестные движения и общественно-экономическая депрессия (в виде откочетов в Китай и Монголию, падения производства, голода и т.д.), а с другой, - интеграция региона в формирующуюся советскую тоталитарную систему.
- Сложные коллизии этих процессов и проецируемых ими явлений рассматриваются в диссертации.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и выводы апробированы на международных конгрессах во Франции, Бельгии, Таиланде, более чем на 10 международных научных конференциях в Москве, Пскове, Санкт-Петербурге, Киеве, Кемерово, Павлодаре, Алматы, Талдыкоргане, Бишкеке, Ташкенте; в монографиях «Экономическая история Жетысу (конец XIX – начало XX века)», «Семиречье в первой трети XX века: социально-экономическая и общественная история», в 8 научных брошюрах, а также в 30 научных статьях - общим объемом около 150 п.л.

Результаты исследования внедрены в учебный процесс по специальности «История» в Жетысуском государственном университете им. И.Жансугурова (Талдыкорган), в Алматинском национальном педагогическом университете им. Абая (Алматы), в институте «Жетысу» (Талдыкорган).

Структура и содержание диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии.

Основная часть диссертации

В первой главе «Семиречье в начале XX века» - исследуются изменения в хозяйственных традициях и этноструктуре региона, подчеркивается аграрная доминанта в структуре его производительных сил, колониальный характер промышленной инфраструктуры, рассматривается роль и значение Семиречья в народно-освободительной борьбе.

Семиречье отличалось от других областей Казахстана пестротой своей этнической мозаики. Это был ярко выраженный этнически гетерогенный регион. Абсолютное большинство населения составляли казахи - 77,5%. Вторым крупнейшим этносом были русские - 9,01%. По своей численности немногим уступали им уйгуры - 8,40%. Существенный сегмент в этнической структуре народонаселения формировали украинцы - 1,82%, татары - 1,04%, дунгане - 0,67%, а также представители других народов.

Наиболее зримым индикатором колониальной экспансии царизма в Семиречье выступала тенденция падения удельного веса казахов в национальной структуре. Удельный вес русского населения, напротив, демонстрировал нарастающую динамику во всех уездах.

Характер экосистемы, этно- и социокультурные традиции определили историческую динамику территориального разделения труда, дифференциацию хозяйственно-культурных типов деятельности, функционирование различных адаптивно-адаптирующих модулей, то есть пространственно локализованных образцов социальной адаптации природной сферы.

Благоприятный гидрографический режим и относительно высокий годовой уровень выпадения атмосферных осадков на территории Семиречья способствовали тому, что здесь сформировалась развитая традиция земледелия. Археологические материалы свидетельствуют, что еще в ранние времена жители этих земель демонстрировали навыки земледельческой агрокультуры.

Традиции своих предков продолжило коренное население региона. Сохраняя в качестве приоритетной ориентации приверженность пастбищно-кочевому скотоводству, казахи, тем не менее, занимались земледелием, имевшим, правда, преимущественно вспомогательный характер. Уже в те годы в

Семиречье было характерно поливное земледелие, при этом засевались возвышенные участки Джунгарского и Заилийского Алатау.

Российский реформатор, премьер П.А.Столыпин, выдвигая идею выведения русской деревни на путь капиталистического развития, видел в качестве одной из причин, блокирующих эту тенденцию, исключительно слабый уровень интенсификации сельского хозяйства. Или, другими словами, условия, когда продовольственная проблема решалась не за счет приложения к земле качественных ресурсов, таких как капиталы, энергетика, передовые методы земледелия, внедрение более урожайных сортов растений, селекции, а путем хищнического природопользования, то есть экстенсификации - расширения площадей землепользования. Использовался метод постоянного перехода с одного участка земли на другой, эксплуатация естественного плодородия почвы. В этом П.А.Столыпин справедливо винил общинную организацию производства, а поэтому ратовал за движение крестьян за Урал, где, как он надеялся, уже никто не будет сковывать инициативу земледельца.

Однако идея "глашатая развития капитализма в деревне" выступила заложницей колониальной политики. Прибыв на колониальные окраины, крестьяне были буквально развращены обилием земель, которые исподволь отчуждались у местного населения и передавались в пользование переселенцев. Понятно, что в таких условиях отпадала всякая нужда улучшать полученную, как манну небесную, землю, ибо ее всегда было вдоволь. Поэтому ни о какой интенсификации никто из "пионеров целины" даже не задумывался (естественно, здесь были и другие причины). Так было и в Семиречье, где переселенцы продолжали хищнически эксплуатировать естественное плодородие почв, используя наработанный в условиях богарного земледелия экологический опыт.

В 1877 г. началось переселение в Семиречье таранчей (уйгуров) и дунган, пожелавших принять российское подданство. Являясь носителями традиций мелкооазисного поливного типа земледелия, уйгуры, так же как и дунгане, заняли свои хозяйственно-экологические ниши и роли в территориальном разделении труда. Они расселялись, как правило, по среднему течению горных рек ледникового происхождения. Места наиболее компактного расселения уйгур локализовались в предгорных регионах, в долинах Заилийского и Джунгарского Алатау - в бассейне рек Хоргос, Или, речек, берущих начало с Кетменских гор. По многим природно-климатическим характеристикам эти территории были сравнимы с местами их прежнего обитания и с регионом их выхода из Илийского края.

Пришедшие вместе с уйгурами дунгане являлись также представителями древней поливной земледельческой цивилизации. Они расселялись в районы схожие по природно-климатическим данным с местами их прежнего проживания, занимая определенные экологические ниши. Они также стремились расселиться около рек, с той лишь разницей, что места эти они выбирали в нижнем течении, на равнинах. Такой рельеф благоприятствовал рисосеянию (на лиманах можно было установить рисовые чеки) - специализации, которая являлась в Семиречье исключительной монополией дунганского населения. Такой же монополией, но уже в области скотоводства, обладали коренные жители Семиречья - казахи. Они тоже занимались земледелием, но именно скотоводство

определяло всю структуру их быта и ментальных связей, а если шире - то и всего социально-культурного кода.

Аграрный сектор материального производства являлся важнейшей сферой приложения труда народонаселения Семиречья. Из 515000 казахов, проживавших в регионе в начале XX в., более 95% было занято в скотоводческом и земледельческом хозяйстве. Скотоводством занимались около 54% населения, земледелием - более 40%.

Степень товаризации земледелия имела довольно значимые параметры. Однако эта тенденция была характерна лишь для зерновой отрасли в целом. Если же рассматривать не всю ее совокупность, а составляющие ее субъекты - индивидуальные крестьянские хозяйства, то здесь тенденции не были столь же симметричными. Объяснялось это рядом причин. Во-первых, - спецификой самого зернового производства. По сравнению с техническими культурами хлеб в значительно меньшей степени отчуждался на рынок. Он использовался преимущественно для внутрихозяйственного потребления.

В некоторых земледельческих хозяйствах Семиречья в определенные сезоны накапливались значительные излишки хлеба, которые направлялись на рынок. Наиболее существенные излишки концентрировались в казацких, зажиточных и более или менее экономически крепких хозяйствах. Что касается хозяйств иных социальных групп, то они выступали на рынке продавцами не столько прибавочного продукта своего хозяйства, сколько части необходимого. Происходило это под давлением арендной ренты. Кроме того, здесь сказывалось влияние все более расширявшегося проникновения в деревню товаров промышленного происхождения. Следовательно, в основной массе сельскохозяйственных хозяйств Семиречья имело место так называемая вынужденная товаризация.

Инфльтрация товарно-денежных отношений в Семиречье сказалась и на некотором росте товарности животноводства. Общий оборот торговли живым скотом накануне Первой мировой войны составил в Семиречье 3,4 млн. руб., а продуктами скотоводства - 2,4 млн. руб. Под влиянием втягивания в геополитическую и геоэкономическую орбиту России сельское хозяйство Семиречья начинало все в большей мере опосредоваться рыночными, товарно-денежными отношениями. Но этот вывод правомерен лишь к сельскому хозяйству региона как отрасли в целом.

Что касается собственно сельскохозяйственных производителей, то есть непосредственных субъектов хозяйствования, то уровень товаризации их основной массы был крайне незначителен, а, следовательно, большинство хозяйств продолжало выступать агентами докапиталистических отношений. Иными словами, крестьянство Семиречья, сохраняя натурально-потребительский характер своего хозяйства, являлось массовым персонификатором докапиталистических форм производства, обмена, распределения и потребления.

Самым главным фактором, блокировавшим процесс проникновения товарно-денежных, рыночных отношений в дореволюционное сельское хозяйство Семиречья, являлась община. Именно она представляла собою самую массовую форму социальной организации крестьянства, независимо от этнической принадлежности крестьян. Община с ее коллективным (групповым)

землевлдением, то есть отсутствия легитимного права частного собственнического владения и распоряжения землей и монополии крестьянина на основные факторы и условия производства, лишала индивидуального сельскохозяйственного производителя экономической свободы. Власть общины, "круговая порука", жесткие общинные установки конформизма и "слепой" солидарности, беспрекословное подчинение решениям, принятым "миром" – все это блокировало развитие товарного хозяйства в переселенческом селе.

Такую же роль играли и общинные структуры казачества. Казалось бы, казацкие хозяйства Семиречья имели всё для интенсивного втягивания в товарные отношения: громадные подушные и похозяйственные земельные наделы, лучшую обеспеченность рабочим скотом и сельскохозяйственным инструментарием, большие возможности для накопления, привилегированный статус. И, тем не менее, все эти исключительно благоприятные моменты оставались не более чем потенциальными.

Следует отметить, что крестьянское хозяйство всех хозяйственно-культурных типов, локализованных в Семиречье, обнаружили ярко выраженный характер натурально-потребительской автаркии. Товарно-денежными отношениями, опосредовалась лишь та, часть прибавленного продукта, товаризация которого была необходима для возмещения дефицита в натуральном крестьянском хозяйстве товаров промышленного происхождения, таких как металлоизделия, фабричный сельхозинвентарь, мануфактура, спички, керосин и так далее. Товаризация с целью расширенного воспроизводства была характерна лишь для крайне небольшой части хозяйств.

В значительной мере проникновение рыночных отношений в сферу аграрного производства блокировалось обширной структурой с социальной организацией крестьянства, характеризующейся коллективной собственностью на землю, в том числе и пастбища, корпоративными отношениями. Данный фактор был доминирующим для сельского хозяйства Семиречья.

Все пороки колониально зависимой экономики Казахстана в конце XIX - начале XX веков проецировались на промышленность Семиречья. Ее структура отражала характер имперской политики России, направленной на эксплуатацию ресурсов региона исключительно в интересах метрополии, сохранения его в качестве сырьевой периферии. Здесь абсолютно доминировал добывающий сектор, и лишь в крайне незначительных величинах присутствовали обрабатывающие предприятия чаще всего на стадии выпуска полуфабрикатов.

Нами рассмотрены наиболее репрезентативные тенденции промышленности Семиречья. Рыночный принцип "спрос рождает предложение" мало стимулировал местное производство, так как его контрсубъектами по обмену выступали преимущественно сельские жители. Сельское население являло собой гигантскую массу носителей натурально – потребительской экономики, базис которой формировало самодостаточное семейное домашнее хозяйство с присущей ему почти что всеобъемлющей автаркией. Обращение к рынку в таких хозяйствах было минимальным. Приобретались лишь те товары, которые нельзя было произвести в собственном хозяйстве или получить посредством натурального обмена. Такая продукция не опосредовалась рынком, а поступала в потребление крестьян через внутридеревенский натуральный обмен. Это были, прежде всего,

товары промышленного происхождения. Но их востребованная номенклатура была очень узка, ибо стандарт общественного потребления, даже по сравнению с российской глубинкой, был крайний убогим и не дифференцировался. Производство оставалось законсервированным в архаичных параметрах крестьянских структур повседневности, особенно это касалось традиционного сектора крестьянского народонаселения. Сказывалась на емкости рынка и низкая покупательская способность населения региона, из всех третиц социальной структуры которого выплескивались процессы пауперизации, то есть массового обнищания трудящихся масс.

Операции банковского капитала были ориентированы здесь преимущественно на закупку, переработку и транспортировку сельскохозяйственной продукции и на обслуживание российской промышленности, организовывавшей рынки сбыта для своих товарных потоков в Семиречье. Именно банковский капитал замыкал на себе всю разветвленную торгово-ростовщическую структуру региона. Характерно, что банки и их многочисленные отделения, как институты организованного кредита, практически не осуществляли свои операции с мелкими клиентами, куда, естественно, относили основную массу сельскохозяйственных производителей и ремесленников кустарно-домашних предприятий. В качестве корреспондентов выступали почти исключительно торговые фирмы и владельцы промышленных заведений, посредники мануфактур и закупочных контор, крупные оптовики-комиссионеры. Они получали банковские кредиты по ставке 6-7% годовых, тогда как непосредственные заемщики, замыкая конечную стадию наращивания ссудного процента, получали кредиты на условия уже в 60% годовых, т.е. десятикратной и более кредитной ставке.

Торгово-ростовщической эксплуатации населения удобно служили и институты мелкого кредито-кредитные и ссудно-сберегательные товарищества. Накануне Первой мировой войны в Семиречье действовало 30 учреждений первого уровня и 4 – второго. Призванные удовлетворять производственные и потребительские интересы своих членов, они занимались главным образом ростовщическими операциями, пускаясь в различные спекулятивные акции, направленные на ссудный рост капитала.

Таким образом, можно сделать вывод, что ростовщичество играло в Семиречье разоряющую и паразитическую докапиталистическую функцию, являющую собой одну из низших и худших форм капитала. Спецификой его было то, что оно выступало в качестве постоянного кредитного спутника торгового капитала. Именно торгово-ростовщический капитал выступал в Семиречье в качестве важнейшего фактора первоначального накопления промышленного капитала. Не случайно все сколько-нибудь крупные предприниматели региона начинали свою деятельность с торгово-ростовщических операций, да и в последующем тесно совмещали эти две формы капитала.

Важно отметить и еще одну функцию данного вида капитала, а именно то, что торгово-ростовщический капитал выступал в роли катализатора – ускорителя процесса превращения докапиталистического натурального хозяйства в мелкотоварное.

Важнейшим событием общественно-политической жизни Казахстана в целом и Семиречья в частности явилось национально-освободительное восстание 1916 года. С началом войны увеличивалось количество изъятого скота и других материальных ценностей для нужд фронта. Так, лишь в первые два года войны (1915-1916гг.) из Джаркентского уезда Семиреченской области на нужды фронта были изъяты около 2000 голов лошадей, 20000 овец, 20000 штук кож, сотни юрт. Такая картина наблюдалась и в других районах области.

По разверстке Генштаба Российской армии было определено, что из Казахстана и Средней Азии на тыловые работы будет мобилизовано 40000 представителей коренного населения мужского пола, в том числе конкретно из Семиречья – 87000 человек. Мобилизация такого количества наиболее трудоспособного населения края на тыловые работы имела большие отрицательные последствия.

Одним из наиболее крупных очагов восстания, наряду с Тургайским во главе с Амангельды Имановым и Абдулгафаром Жанбосыновым, был Семиреченский очаг, во главе которого стояли Бекболат Ашикеев, Жаменке Мамбетов, Узак Саурыков, Серикбай Канаев, Казбек Шорманов, Токаш Бокин, Аубакир Жунусов и другие представители различных слоев казахского общества.

17 июля 1916 года в Семиречье, как и во всем Туркестанском крае, было объявлено военное положение. Царские власти перебрасывали сюда крупные военные силы, укрепляли военный гарнизон. С начала августа повстанческие отряды Семиречья перешли к активным действиям. Они сжигали почтовые станции, выводили из строя телеграфы, захватывали военный транспорт. Крупные столкновения с царскими карателями происходили в урочище Асы 5 августа, а 7 августа в районе станции Самсы, а также в районе Кастек, в горной долине Каркара. В этих условиях Бекболат Ашикеев предпринял меры для объединения разрозненных повстанческих групп, возникших в различных волостях Семиреченской области. Для этой цели он 13 августа 1916 г. в местности Ошакты созвал еще один съезд представителей Жайылмышевской и других волостей, вынесших решение о мобилизации джигитов, вплоть до оказания вооруженного сопротивления властям.

Восстание в Джаркентском уезде с центром в урочище Каркара, получило название Каркара-Албанское, которое объяснялось, во-первых, названием местности, а во-вторых, тем, что абсолютное большинство восставших являлись представителями рода Албан Старшего жуза, проживавшими в 16 волостях Джаркентского уезда Семиреченской области. Признанными лидерами этого восстания были Жаменке Мамбетов и Узак Саурыков. Им активно помогали Аубакир Жунусов, Казбек Шорманов, Серикбай Канаев, Бегайдар Солтанкулов.

В восстании активное участие принимало уйгурское и дунганское население Джаркентско-Таранчинской и Джаркентско-Дунганских волостей Джаркентского уезда, казахи Маканчи-Садырский, Мамбет-Кыскашской и Балхаш-Лепсинской волостей Лепсинского уезда.

Участники восстания в Джаркентском и Лепсинском уездах были также жестоко подавлены карательными отрядами: Жарменке Мамбетов был отравлен в Каракольской тюрьме, без суда и следствия были расстреляны Карбоз Кантаров,

Суанкул Аргынов, Казбек Шорманов, Жанабай Кудайбергенов, Курман Адильбеков, Бекайдар Султанкулов, Кудиярбек Шотаманов, Жанпеис Отыншиев, Узак Саурыков, Серикбай Канаев, Абдыхалык Байсугуров и другие участники Каркара-Албанского восстания. Спасаясь от пуль карателей, участники восстания и члены их семей тысячами бежали в соседний Китай.

Для подавления восстания 1916 года в Семиречье царскими властями были направлено 95 рот, 8750 штыков, 24 сотни в 3900 сабель, 16 орудий и 47 пулеметов. Вместе с частями регулярной армии и казачьих войск в подавлении и расправе с мирным населением принимали участие в вооруженные властями отряды переселенческих сел. В Семиречье были уничтожены десятки казахских аулов и киргизских айлов. Жестоким преследованиям подвергались мирные жители. Преследуемые царскими карателями, 30000 казахов и киргизов или 1/4 часть коренных жителей Семиречья вынуждены были покинуть родные места и покинуть родные места и бежать в соседний Китай. Только по судебным приговорам, утвержденным генерал-губернатором Куропаткиным, в Туркестанском крае, куда входила Семиреченская область, на 1 февраля 1917 года было приговорено к смертной казни 347 человек, к каторжным работам – 168, к тюремному заключению – 129 человек, не считая расстрелянных без суда и следствия, погибших от рук карателей.

Несмотря на жестокое подавление, восстание 1916 года занимает особо выдающееся место в истории многовекового национально-освободительного движения казахского народа за свою свободу и независимость. В ходе восстания народ выдвинул своих выдающихся предводителей в лице А.Иманова, Б.Ашикеева, У.Саурыкова и других.

Несмотря на поражение и трагические последствия, значение восстания 1916 года в истории народа огромно, ибо оно сыграло большую роль в росте национального самосознания. Тысячи восставших прошли школу вооруженной борьбы против колонизаторов. Оно носило общенародный и национально-освободительный характер. В ходе восстания были выдвинуты лозунги единства народа, вопросы восстановления национальной государственности. И в этом - еще один важнейший смысл национально-освободительного движения 1916 года.

Во второй главе “В октябрьском векторе исторического развития” рассматриваются коллизии общественно-политической жизни Семиречья в первые годы революции, раскрывается практика политики “военного коммунизма” и развязанный в ходе её террор. С новых позиций исследуются регулятивные акции государства в сфере аграрных отношений.

В марте 1917 года почти во всех областных уездных центрах Казахстана и Туркестана, в том числе и в Семиреченской области, были образованы и действовали местные органы Временного правительства – исполнительные комитеты. А большевики готовили вооруженный захват власти в Верном. В ночь со 2-го на 3-е марта восставшие практически без кровопролития захватили крепость и оружейные склады, разоружили школу юнкеров и другие воинские подразделения, овладели почтой и телеграфом. Был образован временный орган Советской власти – военно-революционный комитет, состоявший в основном из рабочих и солдат.

Усилиями советской власти были пресечены попытки коренных народов Казахстана и Туркестана восстановить свою национальную государственность, ликвидированную в процессе превращения этих регионов в колонию Российской империи: в феврале 1918 года была разгромлена Туркестанская автономия (Туркестон Мухтарияти), а в ходе гражданской войны распущена Алашская (Казахская) автономия. Весной 1918 года в Туркестане была образована Туркестанская АССР в составе РСФСР как первая советская модель “национально-государственного самоопределения”.

Весной 1918 года против советской власти в Семиречье восстали военные силы местной контрреволюции, сосредоточенные в казачьих станицах, кольцом окружавшие Верный. Мятеж казачьих станиц в Семиречье был ликвидирован в результате успешных операций красногвардейских отрядов в середине мая – начале июня 1918 года.

В середине лета 1918 года, когда в Семиречье началась гражданская война, один из руководителей Семиреченского отделения Алаш-Орды М.Тынышбаев едет в район северного Семиречья. 10-31 августа 1918 года в Лепсы он проводит второй Семиреченский областной казахский съезд, делегаты которого в течение 20-и дней обсуждают проблемы области в условиях гражданской войны. На съезде был избран новый состав областного казахского комитета, в числе которого были Ибрагим Жайнаков (председатель), члены – Сатылган Сабатаев, Толебай Дуйсебаев, Нусупбек Жакыпбаев, Базарбай Маметов, Мухаметжан Тынышбаев, Садык Аманжолов, Билял Сулеев, Иса Тергеусизов. В соответствии решением областного съезда новый состав областного комитета занимался формированием и обучением частей национальных вооруженных сил, организацией обороны целого региона Семиречья как от “белых”, так и от “красных”.

Практически курс Семиреченского отделения Алаш-Орды (областной казахский комитет) во главе с Мухаметжаном Тынышбаевым внешне определялся как сочувствующий белому движению нейтралитет, в то же время поддерживались и тайные контакты с советскими представителями (предположительно – с людьми Ораза Жандосова и Дмитрия Фурманова). Для обеспечения этого курса в 1918-1919 годах, как свидетельствуют обнаруженные в последнее время документы (главным образом, в фондах архива КНБ), Мухаметжан совершал тайные поездки в Семипалатинск (где находилось центральное правительство Алаш-Орды во главе с Букейхановым), дважды имел встречу с атаманом Анненковым в Уч-Арале и один раз на нейтральной полосе. Следует особо подчеркнуть, что история гражданской войны в Семиречье требует дополнительного изучения, что, возможно, станет началом нового взгляда в оценке событий гражданской войны в Казахстане.

Весной 1919 года после обещанной амнистии участникам Алашского движения Тургайская группа Алаш-Орды во главе с Ахметом Байгурсиновым вынужденно перешла на сторону советской власти. Мухаметжан Тынышбаев и большинство членов Семиреченской группы Алаш-Орды (Кудерин Жумахан, Аманжолов Садык, Базарбай Маметов, Толебаев Мырзахан, Умбетбаев Алдабергел, Билял Сулеев и других, за исключением Ибрагима Жайнакова и

некоторых его сторонников) в конце 1919 - начале 1920 года перешли на сторону советской власти.

В советской историографии гражданской войны много писалось о “белом терроре”. Но был и террор “красный”. Вот только один факт. В 1956 г. алматинские городские власти решили очистить Приютские (ныне Первомайские) озера от толстых наслоений ила. Были открыты шлюзы и вода вынесла в каналы человеческие, в основном детские, кости, разрубленные и с пулевыми отверстиями... Впоследствии оказалось, что до 1918 г. здесь находился Новодевичий монастырь. Летом 1918г. отряд чекистов, исполняя секретный приказ, расстрелял всех монахинь Новодевичьего женского монастыря. Половину девочек-сирот, которые воспитывались при монастыре, и женщин солдаты ВЧК вывели на берег в одном нижнем белье и стали рубить их шашками (сберегая патроны). Потом трупы были сброшены в воду. Настоятельницу – игумению женского монастыря чекисты разорвали лошадьми. Всего было зарублено и расстреляно около полутора тысяч несчастных жертв кровавого “красного террора”.

В Семиречье жертвами “красногвардейской атаки на капитал” стали “капиталисты” Миршанов, Галимов, Кувшинов, Хакимов, с которых уездный Совнарком востребовал с полмиллиона рублей. Такая же сумма контрибуции налагалась на владельцев предпринимательских заведений Гавриловки. “Человек с ружьем” и, добавим, “с мандатом в кармане” чинил откровенное мародерство. В Верном при повальных обысках без всякого объяснения конфисковывались монеты царской чеканки, золотые изделия, ювелирные украшения и т.д.

Руководствуясь положениями “Декрета о земле”, советские органы области проводили конфискацию земель казачьего офицерства и старого чиновничьего сословия, передавали в распоряжение земельно-водных комитетов земли, отмежеванные Переселенческим управлением у казахского населения в колонизационный фонд. Стали проводиться первые мероприятия по организации уравнительного землепользования среди казахских, русских, уйгурских, дунганских крестьян и казачества.

Конфискации проводились в казахском ауле. Летом 1918 г. реквизиции скота у зажиточных и богатых хозяйств были осуществлены в Западноталгарской, Джайилмышевской, Чемолганской волостях Верненского уезда, Алтын-Эмельской, Балгалинской, Андасовской волостях Капальского уездов. В Лепсинском уезде конфисковались не только скот, но и юрты. Весь реквизированный скот тут же передавался бедняцко-батрацким слоям.

Приступая к проведению первых мероприятий, большевики руководствовались установками своих идейных предтеч, творцов “величайшей социальной утопии” – К.Маркса и Ф.Энгельса, которые учили, что вслед за узурпацией власти необходимо сосредоточить капитал и орудия производства, развить производительные силы, что достижимо лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения. Тотальное замещение досоциалистических форм собственности на средства производства социалистических производственных отношений выдвигалось в качестве системообразующей задачи.

Вводился так называемый рабочий контроль, который обернулся вторжением в процесс производства дремучей некомпетентности и революционной анархии, что усугубило дезорганизацию производства. Недоверие специалистам-управленцам, попытки с помощью так называемой «рабочей инициативы» и энтузиазма решать организационно-технические вопросы привели к тому, что некоторые предприятия вообще встали.

Весной-летом 1918 г., уже не удовлетворяясь фактически полным контролем на операции банков (проверялись все балансы, денежные документы, ордера, письма, кладовые и т.д.), Советы Семиречья провели их национализацию. В собственность государства перешли верненские отделения Русско-Азиатского банка, Сибирского торгового банка, Русского для внешней торговли банка, Волжско-Каспийского банка, а также Верненского городского общественного банка.

Повсеместно сталкиваясь с недовольством крестьянства и открытым протестом, власть, апеллируя к продовольственной диктатуре, поощряла проведение откровенных реквизиций продовольствия «у кулаков», каковыми она считала всех, кроме люмпенов.

Бесконечная череда реквизиций, хлебная монополия вызвали протестную реакцию семиреченского крестьянства и, прежде всего, его наиболее зажиточной части – казачества. С самого своего появления в Семиречье казачество имело здесь особый привилегированный статус, отличалось многоземельем, высокой степенью обеспеченности другими средствами производства (продуктивный и рабочий скот, сельскохозяйственный инструментарий). Поэтому большевистский «Декрет о земле» с его привлекательным для пауперизированных и люмпенизированных слоев крестьянства идеями национализации земли и уравнильно-перераспределительного землепользования объективно толкал казачество в стан антисоветской оппозиции. Претила казачеству и идея устранения сословного неравенства, поскольку в российской сословной иерархии казаки конституировались на одной из самых высоких позиций. Наконец, следует иметь в виду и то обстоятельство, что казачество, воспринимая себя в качестве станового хребта державы, тем не менее, традиционно позиционировалось по отношению к власти как некая автономная фракция с внутренними управленческими структурами и особой регламентацией всего уклада жизни. Поэтому всякие попытки Советов вторгнуться в их сословную организацию встречали однозначно враждебную реакцию. Продовольственная диктатура, неприемлемая для крестьянства, в среде казачества вызвала гораздо более агрессивное неприятие, ибо крайне негативная реакция на собственно хлебную монополию была умножена на перечисленные выше факторы.

11 января 1919 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР издал декрет «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства». С этого времени заготовка продовольствия должна была осуществляться в виде разверстки, которая производилась в порядке принудительного изъятия всех излишков с оплатой их по так называемым твердым ценам. Если иметь в виду небывалую в тот период инфляцию, «товарный голод», т.е. абсолютное отсутствие на потребительском рынке промышленных товаров, то, понятно, что разверстка

означала прямую конфискацию. Крестьянин обязывался сдавать хлеб и другие сельскохозяйственные продукты по «твердым ценам», получая взамен даже не бумажные деньги, а некие суррогаты. (Семиреченский облисполком выступал в качестве эмитента, выпуская так называемые денежные боны номиналом в 1,3,5,10,25,50 и 100 руб. Кроме них в области имели хождение ташкентские денежные боны и дензнаки РСФСР, собственные «деньги» некоторых учреждений).

Если к продовольственным ресурсам, как и к другим источникам существования, доступ «буржуазии» (и все, кто не попал под категории «рабочий класс, трудящееся крестьянство, красноармейцы, партийные и советские служащие») был не только ограничен, а буквально заблокирован советской системой, то «военно-коммунистический» институт всеобщей трудовой повинности был рассчитан главным образом на нее. В Семиречье всеобщую трудовую повинность «курировали» чекисты, объясняя это тем, что в условиях милитаризации экономики (а она была сутью политики «военного коммунизма») уклонение от трудовой повинности должно подпадать под юрисдикцию армейских особых отделов и ревтрибуналов.

Органы власти широко использовали население области на хозяйственных работах. Прекращение поставок из топливных районов обусловило частую мобилизацию населения на заготовку дров. Подобные кампании, регулярно повторяющиеся, буквально изматывали подневольных «трудармейцев», поскольку работы, как правило, производились в горах, нередко прямо посреди зимы. Для транспортировки леса мобилизовывались крестьянские подводы, которые после нескольких таких «повинностей» переходили в совершенно негодное состояние.

Политика «военного коммунизма» явила собой попытку перехода к непосредственно коммунистическому производству и распределению. Закончилась она полной катастрофой. Эксперимент наглядно доказал, что ни идеологические, ни репрессивные средства не способны заменить такой мощный стимул, как товарно-денежные рыночные отношения. Большевики поняли это, но слишком поздно, ибо «бестоварная утопия» принесла слишком много страданий народу.

Будучи в массе своей шовинистически настроенным, казачество и крестьянство крайне негативно реагировали на аграрные реформы Советов и особенно той их части, где речь шла об устранении всякой национальной дискриминации в земельном вопросе. Они выказывали откровенное недовольство возвращением беженцев. Когда же стали поговаривать о компенсации материальных потерь, понесенных беженцами в ходе карательных акций царизма, и предполагаемом возврате им земель, переданных колонистам, последние стали демонстрировать ничем не прикрытую агрессию и ксенофобию. Как и в 1916 г., в отдельных поселениях стали создаваться так называемые «дружины самообороны», являвшиеся по существу отрядами для нападения на казахов, осмелившихся претендовать на свои исконные земли. Несмотря на то, что власть поменялась, казачьи станицы и переселенческие деревни (особенно старожильческие) продолжали, как при царском режиме, третировать казахов-скотоводов. Участились случаи блокады скотопрогонных путей и проходоов на летние пастбища, отравы посевов казахских хозяйств, угон у них скота и т.д.

В январе 1921 г. состоялся Первый краевой съезд казахской и киргизской бедноты Туркестанской АССР в городе Аулие-Ата, в котором приняли участие 150 делегатов от Семиречья. 25 января съезд принял резолюцию "О земельном вопросе", где говорилось о необходимости немедленного (уже весной 1921 г.) проведения земельной реформы. Задуманная властью земельно-водная реформа преследовала задачу восстановления статуса-кво, сложившегося в сфере земельных отношений Семиречья до трагических событий 1916 года. Как и все последующие реформы, ее идеология и практика должны были зиждиться на экспроприационных акциях. А главная роль в их проведении отводилась люмпенпауперским слоям, поскольку именно их коллективное сознание, будучи типично маргинальной ментальностью, более всего откликалось на всякого рода перераспределительные кампании.

Проводники колониальной политики, казачество и зажиточное переселенческое крестьянство, уверовавшие в вечность своего привилегированного статуса, столкнулись с решительностью новой власти реализовать на практике свои приоритеты в области национальной политики.

И в этом она могла уверенно опираться на движение протеста коренного населения. Однако для аккумуляции энергии пауперизированных масс аула и кишлака, высвобождения ее в нужном направлении и вообще в целях достижения подконтрольности этого процесса со стороны власти, последняя приложила немало усилий по инкорпорированию бедняцких слоев в некие организационные структуры. При этом власть апеллировала к этнической и даже религиозной идентификации (например, в газетах того периода пропагандистские передовицы, ведя речь о батрачестве, часто оперируют понятием "мусульманская беднота").

В советской, и даже в нынешней – постсоветской историографии очень часто подчеркивалось, что главной идеей земельно-водной реформы в Семиречье являлось возвращение земли и пастбищ бедняцко-батрацким слоям аула, и что именно они выступали основными получателями ранее отчужденных пастбищ, пашни, скота и т.д. Такая позиция объяснялась не только идеологической заданностью исследований, но и в значительной степени – нежеланием углубляться в сложные структуры социально-экономических отношений казахского аула. В частности, совершенно не принималось во внимание, что скотоводческое хозяйство не могло существовать само по себе. Оно обрело способность выживать лишь в рамках кооперации труда, без которой индивид не имел шансов противостоять природной среде. Такую хозяйственную кооперацию обеспечивала община. Ни один скотовод не мог осуществлять нормальную хозяйственную деятельность вне общинной кооперации.

Земля и пастбища в общине находились не в индивидуальной собственности, а групповой (коллективной). Общинник получал доступ к пастбищу лишь как член общины. Если он по каким-то причинам выбывал из общины, то утрачивал право пользоваться общинной землей. Уже одно это обстоятельство дает понять, что отчужденные пастбища являлись общинной собственностью и, следовательно, возвращались общинам, а не бедняцким и батрацким хозяйствам.

Бедняцко-батрацкие союзы, получив пастбища, но имея мало скота, с введением нэпа просто сдавали земли в аренду переселенческим деревням и

казачьим станицам, т.е. восстанавливалось положение, существовавшее после 1916 года, но уже на взаимных договоренностях. Малоэффективным оказывался вариант и в случаях передачи бедняцко-батрацким семьям пахотных земель. Не обладая сельскохозяйственными орудиями труда, рабочим скотом, семенным материалом и прочими производственными ресурсами, беднота аула попросту не могла заниматься земледелием.

Таким образом, чтобы вести нормальное, т.е. обеспечивающее потребительский минимум, скотоводческое хозяйство, беднякам и батракам необходимо было включиться в кочевую общину, что было в принципе невозможно без наличия минимума средств производства, т.е. скота. Это можно было достигнуть посредством конфискации скота у зажиточных и богатых казахских хозяйств с последующим перераспределением его среди бедняцко-батрацких слоев. Но такая акция властями пока еще не предусматривалась, а была развернута позже, к концу 1920-х годов. Чтобы переключиться на оседлое земледельческое хозяйство, нужно было не только получить пахотную землю, но и быть минимально обеспеченными такими факторами земледельческого производства. Всё это можно было получить у самовольцев, водворившихся на захваченных у казахского крестьянства землях. Поэтому бедняки и батраки стали в массовом порядке изъявлять желание заниматься земледельческим трудом. Вариант с возвращением в скотоводческий хозяйственный комплекс в силу отмеченных выше моментов для них был неприемлем.

Земельно-водная реформа, в немалой степени способствуя "оземелеванию" бедняцко-батрацких слоев, своим острием была направлена на создание условий по восстановлению хозяйства национального крестьянства Семиречья в тех параметрах, которые существовали до 1916 г. и цепи последовавших за ним разрушительных событий (революция, гражданская война, голод и т.д.). И в этом смысле земельно-водная реформа "вписывалась" в идеологию только что введенной новой экономической политики, которая преследовала в качестве своей генеральной задачи восстановление и динамизацию народного хозяйства.

Однако такая констатация была правомерна лишь применительно к национальной деревне. Что касается переселенческой деревни и казачьей станицы, то по отношению к ним земельно-водная реформа оборачивалась как бы отрицанием нэпа. Ведь в ходе ее проводились широкомасштабные отчуждения земель, конфискации средств производства и прочие акции. Играя на этом противоречии, переселенческая деревня и особенно казачья станица, а главным образом – их креатура в органах местной власти, пытались всячески препятствовать реформе, которая, дескать, проводится вопреки решениям Центра о переходе к нэпу.

Однако, дистанцируясь от избыточного нигилизма современной историографии, нельзя не признать, что Центр, к чести своей, проводит в этот исторический момент твердую линию по устранению колониального наследия в земельных отношениях. Хотя, безусловно, здесь не обошлось и без столь характерного для большевиков стремления к мести: наказать семиреченскую кулацко-казачью верхушку за ее попытку сыграть роль контрреволюционной Вандеи в годы гражданской войны.

Поскольку хозяйствующие субъекты, включенные в сферу земельно-водной реформы, достаточно четко позиционировались в плане своей этнической принадлежности, то понятно, что конфликт чисто экономических интересов сразу же обрел форму межнациональных трений. Сплошь и рядом колонисты саботировали кампанию по проведению реформы, отказывались покидать самовольно захваченные пахотные земли и пастбищные урочища, съезжать со скотопогонных дорог, возвращать колодцы.

Земельно-водная реформа в Семиречье, сильно ударив по колонизаторско-державным амбициям крестьян-колонистов, обернулась гораздо меньшим эффектом в плане своего экономического целеполагания. Более того, она на какое-то время усугубила кризис в сельском хозяйстве Семиречья, ибо определенным образом дестабилизировав переселенческое крестьянство, не смогла экономически укрепить хозяйство коренного маломощного и бедняцкого крестьянства.

В *третьей главе "От кризиса к периоду восстановления"* показывается глубокий кризис, обусловленный бестоварной утопией военного коммунизма, а также переход к его антитезе - новой экономической политике; исследуются важнейшие события общественно-политической жизни этого периода, включая воссоединение казахских районов Семиречья с Казахской республикой.

Экономика Семиречья, вступившая в революцию уже в состоянии глубокого кризиса, подвергалась в ходе ее "военно-коммунистических" опытов и хаоса гражданской войны еще большему разрушению. Об этом красноречиво свидетельствовала отрицательная динамика, просматривавшаяся при сравнительном анализе материалов всероссийских сельскохозяйственных и кустарно-промышленной переписи 1917 г. (дореволюционная база) и 1920 г.

По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. в хозяйствах области насчитывалось 9414116 голов скота. В 1920 г. это количество уменьшилось на 6563929 единиц, т.е. на 70%.

Национализация фабрично-заводских и кустарно-ремесленных заведений, кредитно-финансовых учреждений отбросила и без того слаборазвитую промышленность Семиречья на позиции чуть ли не примитивно-домашнего производства. Кустарно-промышленная перепись 1920 г. зафиксировала в области 2114 действующих заведений с количеством занятых на них 6562 человека, т.е. в среднем по 3 человека на предприятие. Столь ничтожно малый уровень концентрации труда свидетельствовал о полной деградации отрасли.

Приоритеты новой политики в области экономической жизни предполагали разблокирование функций товарно-денежных отношений, допущение свободы торговли, т.е. свободного распоряжения крестьянским продуктом, восстановление таких обыденных институтов сельской экономики, как аренда средств производства (земли, рабочего скота, сельскохозяйственного инструментария) и отношений найма-сдачи рабочей силы.

Расширение сферы рыночных, товарно-денежных отношений, придание легитимного статуса институту частной собственности, легализация аренды и наемного труда в сельском хозяйстве, по сути, не могли не вызвать к жизни стихийную товарно-рыночную тенденцию, т.е. создать реальные предпосылки для реанимирования капиталистических отношений. Большевицкие ортодоксы, т.е.

руководящее ядро партии, а также местная партийно-советская номенклатура всячески сопротивлялась такой постановке вопроса, справедливо усматривая здесь "предательство идеалов коммунизма и тысяч павших за них борцов революции". В местных газетах того периода можно встретить списки членов местных большевистских ячеек, не согласных с новыми принципами экономической политики партии, а потому публично заявлявших о своем выходе из нее.

При скудных средствах, ограниченных возможностях заготовки сырья и материалов, недееспособности аппарата управления власть вынужденно отходит от идеи повальной национализации и оставляет в государственной собственности лишь наиболее важные с народнохозяйственной точки зрения предприятия. Остальные подвергались денационализации, т.е. передачи в аренду, в собственность частника или кооперации.

Это способствовало оживлению промышленности, инфраструктура которой обрела многоукладный характер: наряду с арендованными предприятиями на рынке конкурировали государственные и частные фабричные и кустарно-промышленные заведения.

В годы гражданской войны и политики "военного коммунизма" ростки кооперативного движения были задавлены катком "бестоварной утопии". Новая экономическая политика, предполагавшая реанимацию капиталистических отношений как системы жизнеобеспечения кооперации, вызвала ее к новой жизни.

Исторически и идеологически кооперативные ассоциации возникают именно в сфере обмена. Членство в кредитной и потребительской (сбытовой и снабженческой) кооперации позволяло хозяйствующим субъектам получать доступ к льготным финансовым ресурсам в целях развития собственного производства, выдерживать рыночную конкуренцию, приобретая товары по более низким ценам (посредством оптовых операций), а продавая по высоким. Поэтому неслучайно наиболее интенсивную динамику демонстрировала именно кредитная и потребительская кооперация. Причем она, в отличие от кооперации сельскохозяйственной и промыслово-ремесленной, охватывала довольно значительную часть казахского населения.

В отличие от кредитной и потребительской, производственная кооперация функционирует лишь тогда, когда хозяйства ее участников в значительной степени ориентируют свое производство на рынок. Естественно, бедняцкие и маломощные хозяйства не подходили под эту категорию. Но по мере укрепления реалий нэпа и усиления конкуренции между различными социально-экономическими укладами (т.е. формами собственности) кооперативное строительство все более упорядочивалось и развивалось уже не за счет количественных, но качественных факторов.

Южные и юго-восточные регионы исконно казахских земель (Сырдарьинская и Семиреченская области) в силу различных объективных и субъективных причин не вошли в состав объявленной в декабре 1918 г. Алашской автономии, а также в состав образованной в октябре 1920 г. Казахской АССР. Окончание гражданской войны и образование в 1922 году Союза Советских Социалистических Республик способствовало дальнейшему развитию процесса

национально-государственного строительства в стране. По мере создания необходимых политических и экономических условий появилась возможность непосредственно приступить к сложной работе по национально-государственному размежеванию Средней Азии.

В результате размежевания к Казахстану отошли Казалинский, Акмечетский, Туркестанский, Шымкентский уезды, большая часть Аулие-атинского, часть Ташкентского и Мырзашульского уездов бывшей Сырдарьинской области. Из Семиреченской области к Казахской АССР присоединились Алма-Атинский, Жаркентский, Лепсинский, Капальский (Талды-Курганский) уезды, Георгиевская, Шуйская, Караконгузская волости Пишпекского (Бишкекского) уезда. В результате территория Казахской АССР увеличилась почти на 700 тыс. км², т.е. на одну треть, составив 2,7 млн. км², население возросло на 1468 тыс. человек, достигнув численности 3230 тысяч. По переписи населения (1926 г.) казахи составили около двух третей (61,3%) всего населения республики.

В четвертой главе *“Кристаллизация сталинской модели социализма”* исследуются трагические последствия силовой коллективизации сельского хозяйства и седентаризации, т.е. перевода кочевников на оседлые формы хозяйствования, а также специфика и масштабы промышленной модернизации в регионе.

В современной литературе продолжается процесс накопления и обобщения эмпирического и теоретического материала по развенчанию инсинуаций советской историографии по поводу оценок социалистической модернизации сельского хозяйства. Особой критике, а точнее – полной обструкции подвергся печально знаменитый тезис-идеологема о том, что коллективизация затевалась исключительно для того, чтобы деревня *“жить стала лучше, жить стала веселее”* (Сталин).

Возросшее в 1929 г. число колхозов дало основание Сталину обозначить 1929 год как *“год великого перелома”*. Точнее, пожалуй, не скажешь, поскольку прежние привычные структуры сельской экономики *“переламывались”* в буквальном смысле и в массовом порядке. Методы откровенного административного террора, массовость которого была беспрецедентна, вызвали повсеместный протест крестьянства. В феврале-апреле 1930 г. во многих районах Казахстана вспыхнули восстания. Крестьянские бунты имели место и в Семиречье, в частности - в Барибаевском, Балхашском, Биен-Аксуйском, Саркандском, Лепсинском, Алакульском, Талды-Курганском, Чокпарском районах Алма-Атинского округа.

В феврале 1930 г. против коллективизации поднялись скотоводы ряда аулов Биен-Аксуйского района, которых поддержали жители Каратальского и Саркандского районов. В марте восставшим удалось занять районный центр – Аксу. Другая группа восставших заняла Капал, Абакумовку, Кызыл-Агач, а также другие населенные пункты и стала угрожать непосредственно Талды-Кургану. В селе Арасан Саркандского района восставшие провели митинг, которому придали политическую направленность.

В течение апреля и начала лета власть принялась *“выпрямлять перегибы в колхозном строительстве”*. Воспользовавшись послаблением в административном

нажиме, крестьяне стали разбегаться из колхозов. Уже в начале июня около 300 тыс. крестьянских хозяйств Казахстана вышли из сельхозартелей, численность коллективизированных дворов сократилась почти вдвое.

В середине сентября 1931 г. Казкрайком ВКП (б) принял постановление *“О темпах дальнейшей коллективизации и задачах укрепления колхозов Казахстана”*, в соответствии с которым все районы республики (всего 122 района) условно разделялись на пять групп по степени охвата индивидуальных крестьянских хозяйств коллективизацией. Из семиреченских районов в первую группу были включены Талды-Курганский, Курдайский, Алма-Атинский. Во вторую – Каскекский, Каратальский, Илийский, Чиликский, Жаркентский, Эмбекши-Казахский районы. Наконец, в третью группу из Семиречья вошел лишь один район – Лепсинский. В так называемые *“отстающие”* районы вошли в основном районы с преимущественным распространением скотоводческого хозяйства – Аксуйский, Алакульский, Кегенский. Таким образом, из 17 районов Семиречья, образованных в бывшем Алма-Атинском округе на основе постановления ВЦИК от 17 декабря 1930 г., только 3 района были *“слабо”* коллективизированы на сентябрь 1931 г. Остальные же демонстрировали *“ударные”* темпы колхозного строительства.

Большевистский режим, самонадеянно уверовав в свою *“преобразующую”* силу, выступил с претензией на способность радикальным образом изменить фундаментальные основы хозяйствования коренного населения Казахстана. В марте 1932 г. ЦИК Казахской ССР принял постановление *“О плане оседания трудящихся казахских хозяйств в 1932 году”*. По Семиречью (Алма-Атинская область) предполагалось перевести на оседлость чуть более 38 тыс. Фактически же оказалось охвачено этой акцией более 30 тыс. хозяйств.

Таким образом, казахские скотоводческие хозяйства были обречены как бы дважды испытать *“ломку через колено”*: сначала им предлагали (точнее, приказывали) радикальным образом сменить тип хозяйственно-культурной деятельности: с кочевого скотоводства на земледелие или стационарное животноводство и перейти на новую систему отношений собственности, т.е. их огосударственную модель, которая благодаря коллективизации распространялась на все сельское хозяйство.

Коллективизация послужила удобным поводом для расправы с так называемым *“классовым врагом в деревне”*, а, по сути – с массовой крестьянской оппозицией.

Руководствуясь партийными директивами, органы ОГПУ приступили к проведению карательных акций. В советской историографии вплоть до последнего момента имел хождение тезис о том, что не партия, а именно они явились главным виновником репрессий, хотя последние были лишь *“проводниками воли партии”*. В феврале-марте было арестовано более 3 тыс. человек, отнесенных к *“контрреволюционному активу и террористам”*, а на внутрикраевое расселение было направлено 7535 человек. Значительная часть репрессированного контингента выпала на Семиречье, которое всегда рассматривалось властью как *“контрреволюционная Вандея”*, *“вместилище казахьего кулачества и смотрящего в Китай казахского феодального байства”*.

Если учесть, что скот для основной массы хозяйств являлся не только основным средством, фактором и условием производства, посредством которого они имели возможность утилизировать окружающую природную среду, но и главным источником потребления и обмена, то станет ясным, что с его утратой скотоводы лишались гарантий своего выживания. Вся система жизнеобеспечения этноса, подверженная в течение более чем десяти лет непрерывному натиску государственной машины, была настолько разрушена, что оказалась в конце концов неспособной противостоять трагедии. Голодная стихия со всей страшной мощью обрушилась на аул, безжалостно лишая жизни тысячи и тысячи людей. Пик голода пришелся на зиму 1932-1933 гг., и эта «лихая година» навсегда останется в исторической памяти нации наряду с другими печальными событиями народного мученичества.

Прямым свидетельством массовой пораженности Семиречья «вселенским исходом» является и известное письмо первого секретаря Казкрайкома ВКП (б) Левона Мирзояна Сталину и Молотову, где из 71 района Казахстана, охваченного отключками, особо выделяются районы Алма-Атинской области.

Государство самым откровенным образом отчуждало не только средства производства, но самую жизнь сельчан. И все последствия этой страшной логики в полной мере познало крестьянство Семиречья. Животноводство региона оказалось настолько подорванным, что его доколхозные параметры 1928 года удалось восстановить только во второй половине 1960-х годов. Что касается главной производительной силы сельского хозяйства – трудовых ресурсов, то они в количественном отношении восстанавливались тоже не один десяток лет. В советской историографии утверждалось, что, дескать, качество их стало несоизмеримо выше (за счет роста профессионального и образовательного уровня колхозников, их вооруженности достижениями научно-технического прогресса и т.д.). Однако, думается, что и здесь можно спорить, ибо качество трудовых ресурсов села, безусловно, выигрывая в этих аспектах, теряло гораздо больше в результате утраты сельскими производителями мотивации к экономически эффективному труду, поскольку колхозник был отчужден как от условий и факторов производства, так и от его результатов.

Семиречье, по большому счету, оказалось на обочине индустриального процесса, и инвестиционные потоки проходили мимо региона: здесь не планировалось создание ударных объектов тяжелой промышленности, наподобие цветной и черной металлургии, химии, военных заводов и т.д. Семиречье «не вписывалось» в приоритеты промышленной политики, провозглашенные в рамках первой (1928-1932 гг.) пятилетки. «Не повезло» Семиречью и с сырьевыми ресурсами, обнаруженные запасы которых на тот период не могли иметь «союзного промышленного значения»: не было здесь руд, угля, нефти и прочего, что могло обеспечить поступательное развитие советской индустрии.

Итак, Семиречью была уготована роль «промышленной периферии», где предусматривалась лишь некоторая модернизация так называемой местной промышленности, параметры которой при централизованном управлении промышленностью и ее директивным планировании могли изменяться лишь с санкции Центра. И все же, в отличие от многих «заброшенных» в плане индустриального обновления регионов, Семиречье вскоре громко заявило о себе:

здесь началось строительство Туркестано-Сибирской железной дороги. (Турксиба), график сооружения которой отслеживала вся страна.

В советской литературе людей, занятых на Турксибе, квалифицировали не иначе, как «кадры молодого советского рабочего класса». И это, как сегодня стало очевидно, было большой погрешностью против истины. Так, например, известно, что на ударных стройках первой пятилетки, как и во все последующие периоды «индустриальной поступи Страны Советов», широко использовался подневольный труд заключенных. В целом ряде случаев именно они, а не «комсомольцы-добровольцы» ковали индустриальную мощь державы. Яркие образчики тому – «Беломорканал» или Комсомольск-на-Амуре, возводимый зеками «Дальстроя». Трудно назвать «рабочим классом» спецпоселенцев, т.е. «раскулаченных», а всего на конец 1931 года на учете спецкомендатур на территории республики числилось 180 тыс. спецпоселенцев. Все они использовались на тяжелых и трудоемких работах, в том числе – на строительстве железных дорог, включая строительство Турксиба.

Нельзя не вспомнить также, что уже к концу нэпа власть исподволь переходила от политики ограничения и вытеснения «эксплуататорских» элементов деревни к их прямой экспроприации. В 1929 г. было введено индивидуальное налогообложение на хозяйства, «отличавшиеся нетрудовыми доходами». Не выдерживая почти до предела закрученного «налогового пресса», многие хозяйства деревни ликвидировали свои хозяйства (по клише газетных передовиц тех лет – «самораскулачивались») и уходили в города и на стройки. То же самое происходило после накала кампании по ликвидации кулачества и байства как класса: многие крестьяне, спасаясь от надвигавшихся репрессий, пытались «раствориться» на строящихся объектах. Множество таких людей оказалось и на строительстве Турксиба.

В советской литературе довольно много говорилось об ударном труде на Турксибе. Наличие таких трудовых призывов вряд ли кто будет отрицать, хотя бы только потому, что власть искусно использовала внеэкономические, главным образом идеологические стимулы повышения экономической эффективности и производительности труда. Но последние тесно переплетались с репрессивным принуждением к труду. Не зря Сталин называл репрессии «орудием строительства социализма». Атмосфера запугивания репрессивным террором витала и над Турксибом. Проводником его выступал Дорожно-транспортный отдел Объединенного государственного политического управления (ДТ ОГПУ). В 1930 г. его усилиями было репрессировано более 800 строителей Турксиба, а только за четыре месяца 1931 г. (данные на май 1931 г. – Г.К.) – 1342 человека (среди них – якобы «кулацкий элемент» и «буржуазные спецы-вредители»). Масштабы репрессий, «подгонявших ударные темпы стройки» не трудно представить, если учесть, что в тот момент на Турксибе было занято 22329 человек рабочих и административно-технического персонала. Это значит, что органы ОГПУ вовлекли в свои сети почти каждого десятого человека. Сильнейшие репрессии разворачивались на Турксибе и в последующее время.

Турксиб был объектом поистине союзного значения. Однако, в силу отмеченных выше концептов промышленной политики, санкционированных руководством страны, в Семиречье расширялась главным образом

инфраструктура промышленности местного и отчасти краевого значения.

Власть весьма щепетильно относилась к проблеме формирования кадров национального рабочего класса. Большевики, ангажируя себя как партию, выражающую интересы рабочего класса, свершившего пролетарскую революцию, рассматривала его как главного проводника и носителя своих идей. Чем более высоким становится удельный вес рабочего класса в обществе, всегда считали идеологи от партии, тем более широкой становится социальная база последней. Между тем пролетарские слои, квалифицировавшиеся в различных отчетах как рабочий класс, на самом деле являли собой типичных маргиналов, обреченных навсегда сохранять в своем сознании ментальные стереотипы крестьянского мира, социокультурные установки, присущие сельско-общинной субкультуре. Несколько "облученные" реалиями города, они мало отличались от аграриев. Однако именно этот момент больше всего и устраивал власть, поскольку маргинальное сознание более отзывчиво на утрированные, простые решения проблем ("пяtilетку в три года!", "из феодализма в социализм, минуя капитализм!" и т.д.). Маргинальные массы охотно отдаются во власть авторитета (вождя) и одержимы поисками "виновников" своих бед. Благо вожди своим указующим перстом ясно обозначают таковых ("враги народа", "вредители", "буржуазная интеллигенция" и т.п.). Именно такая масса становится удобным материалом, податливым для любых идеологических манипуляций.

Так называемый рабочий класс конца 1920-х - начала 1930-х годов выступал в то же время продуктом пауперизации аула. Обнищавший в ходе разорительных заготовительных кампаний, а затем познавший муки голода, "советский" казахский аул явил беспрецедентный опыт аграрного перенаселения. Это были не его докапиталистическая или рыночная модели. Это был результат сталинского "великого перелома", когда десятки и сотни тысяч крестьян, гонимые нуждой и голодом, спасаясь от репрессий "классовой борьбы в деревне", убежали в города в поисках лучшей доли. Это и были молодые кадры национального рабочего класса, которые стали таковыми отнюдь не по "призыву партии", а по "призыву пустого желудка" и нормального инстинкта самосохранения. Поэтому в известной степени источником формирования кадров национального рабочего класса можно считать пауперизацию казахского аула, разрушение дотла традиционной системы хозяйствования, искусственно спровоцированную деградацию скотоводческого комплекса казахов, т.е. обвальный кризис сельского хозяйства. Попутно отметим, что город не в силах был "рассосать" столь масштабную миграцию. На 1 января 1933 г. во всей промышленности Казахстана было занято всего около 24 тыс. рабочих. Между тем "резервная армия труда" не знала границ, ибо включала в себя сотни и сотни тысяч бежавших из родных аулов в города.

В заключении артикулируется внимание на основных положениях работы и излагаются наиболее существенные выводы:

1. Семиречье отличалось от других областей Казахстана пестротой своей этнической мозаики. Абсолютное большинство населения составляли казахи. Вторым крупнейшим этносом были русские. По своей численности немногим уступали им уйгуры. Существенный сегмент в этнической структуре народонаселения формировали украинцы, татары, дунгане, а также представители

других народов. Наиболее зримым индикатором колониальной экспансии царизма в Семиречье выступала тенденция падения удельного веса казахов в национальной структуре.

2. Характер экосистемы, этно- и социокультурные традиции определили историческую динамику территориального разделения труда и дифференциацию хозяйственно-культурных типов деятельности. Аграрный сектор материального производства являлся важнейшей сферой приложения труда народонаселения Семиречья, и в основной массе сельскохозяйственных хозяйств имело место так называемая вынужденная товаризация.

3. Под влиянием втягивания в геополитическую и геоэкономическую орбиту России сельское хозяйство Семиречья начинало все в большей мере опосредоваться рыночными, товарно-денежными отношениями. Но этот вывод правомерен лишь к сельскому хозяйству региона как отрасли в целом, а собственно сельскохозяйственные производители, сохраняя натурально-потребительский характер своего хозяйства, являлись массовым персонификатором докапиталистических форм производства, обмена, распределения и потребления.

4. Самым главным фактором, блокировавшим процесс проникновения товарно-денежных, рыночных отношений в дореволюционное сельское хозяйство Семиречья, являлась община. Именно она представляла собою самую массовую форму социальной организации крестьянства, независимо от их этнической принадлежности.

5. Крестьянские хозяйства всех хозяйственно-культурных типов, локализованных в Семиречье, обнаружили ярко выраженный характер натурально-потребительской автаркии. Товарно-денежными отношениями опосредовалась лишь та часть прибавленного продукта, товаризация которого была необходима для возмещения дефицита в натуральном крестьянском хозяйстве товаров промышленного происхождения. Товаризация с целью расширенного воспроизводства наблюдалась лишь в крайне небольшой части хозяйств.

6. Все пороки колониально зависимой экономики Казахстана в конце XIX - начале XX веков проецировались на промышленность Семиречья. Ее структура отражала характер имперской политики России, направленной на эксплуатацию ресурсов региона исключительно в интересах метрополии, сохранение его в качестве сырьевой периферии. Здесь абсолютно доминировал добывающий сектор, и лишь в крайне незначительных величинах присутствовали обрабатывающие предприятия, чаще всего на стадии выпуска полуфабрикатов.

7. Местное производство оставалось законсервированным в архаичных параметрах крестьянских структур повседневности, особенно это касалось традиционного сектора крестьянского народонаселения. Сказывалась на емкости рынка и низкая покупательская способность населения региона, из всех третиц социальной структуры которого выплескивались процессы пауперизации, то есть массового обнищания трудящихся масс.

8. Семиречье, в отличие от других регионов Туркестана и Казахстана, было обделено минеральными ресурсами. Поэтому операции банковского капитала были ориентированы здесь преимущественно на закупку, переработку и

транспортировку сельскохозяйственной продукции, а также на обслуживание российской промышленности, организовывавшей рынки сбыта для своих товарных потоков в Семиречье. Именно банковский капитал замыкал на себе всю разветвленную торгово-ростовщическую структуру региона.

9. Важнейшим фактором первоначального накопления промышленного капитала в Семиречье выступал торгово-ростовщический капитал. Важно отметить и еще одну функцию данного вида капитала, а именно то, что он выступал в роли катализатора – ускорителя процесса превращения докапиталистического натурального хозяйства в мелкотоварное.

10. Усилиями советской власти были пресечены попытки коренных народов юго-восточных регионов восстановить свою национальную государственность, ликвидированную в процессе их превращения в колонию Российской империи. Советы развернули ряд популистских акций, призванных возбудить в охлократических массах инстинкты социального шовинизма, высвобожденные революцией. Тотальное замещение досоциалистических форм собственности на факторы и средства производства социалистическими производственными отношениями выдвигалось в качестве системообразующей задачи.

11. Бесконечная череда реквизиций, хлебная монополия вызвали протестную реакцию семиреченского крестьянства и, прежде всего, его наиболее зажиточной части – казачества. Большевистский “Декрет о земле” с его привлекательным для пауперизированных и люмпенизированных слоев крестьянства идеями национализации земли и уравнилельно-перераспределительного землепользования объективно толкал казачество в стан антисоветской оппозиции. Казачество и крестьянство крайне негативно реагировали на аграрные реформы Советов и особенно той их части, где речь шла об устранении всякой национальной дискриминации в земельном вопросе.

12. В советской и даже в нынешней – постсоветской историографии очень часто подчеркивалось, что главной идеей земельно-водной реформы в Семиречье являлось возвращение земли и пастбищ бедняцко-батрацким слоям аула. Такая позиция объяснялась идеологической заданностью исследований, нежеланием углубляться в сложные структуры социально-экономических отношений казахского аула. Скотоводческое хозяйство могло выживать лишь в рамках кооперации труда. Уже это обстоятельство дает понять, что отчужденные пастбища являлись общинной собственностью и, следовательно, возвращались общинам, а не бедняцким и батрацким хозяйствам. Малоэффективным оказывался вариант и передачи бедняцко-батрацким семьям пахотных земель. Не обладая сельскохозяйственными орудиями труда, рабочим скотом, семенным материалом и прочими производственными ресурсами, беднота аула не могла заниматься земледелием.

13. Земельно-водная реформа, в немалой степени способствуя “оземелеванию” бедняцко-батрацких слоев, своим острием была направлена на создание условий по восстановлению хозяйства национального крестьянства Семиречья в тех параметрах, которые существовали до 1916 г. и цепи последовавших за ним разрушительных событий (революция, гражданская война, голод). Земельно-водная реформа “вписывалась” в идеологию введенной только

что новой экономической политики, которая преследовала в качестве генеральной задачи восстановление и динамизацию народного хозяйства.

14. Экономика Семиречья, вступившая в революцию уже в состоянии глубокого кризиса, подверглась в ходе ее “военно-коммунистических” опытов и хаоса гражданской войны еще большему разрушению. Приоритеты новой политики в области экономической жизни предполагали разблокирование функций товарно-денежных отношений, допущение свободы торговли.

15. Расширение сферы рыночных, товарно-денежных отношений, придание легитимного статуса институту частной собственности, легализация аренды и наемного труда в сельском хозяйстве вызвали к жизни стихийную товарно-рыночную тенденцию, создали реальные предпосылки для реанимирования капиталистических отношений.

16. Окончание гражданской войны и образование в 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик способствовали дальнейшему развитию процесса национально-государственного строительства в стране. По мере создания необходимых политических и экономических условий появилась возможность непосредственно приступить к сложной работе по национально-государственному размежеванию Средней Азии.

17. Методы откровенного административного террора, массовость которого была беспрецедентна, вызвали повсеместный протест крестьянства. Крестьянские бунты имели место и в Семиречье. Коллективизация послужила удобным поводом для расправы с так называемым “классовым врагом в деревне”, а по сути – с массовой крестьянской оппозицией.

18. Руководствуясь партийными директивами, органы ОГПУ приступили к проведению карательных акций. Значительная часть репрессированного контингента выпала на Семиречье, которое всегда рассматривалось властью как “контрреволюционная Вандея”.

19. Вся система жизнеобеспечения этноса, подверженная в течение более чем десяти лет бесперывному натиску государственной машины, была настолько разрушена, что оказалась, в конце концов, неспособной противостоять трагедии наступившего голода 1932-1933 гг. Эта трагедия навсегда останется в исторической памяти нации наряду с другими печальными событиями народного мартиролога.

20. Семиречье оказалось на обочине индустриального процесса, и инвестиционные потоки проходили мимо региона: здесь не было руд, угля, нефти и прочего, что могло бы обеспечить поступательное развитие советской индустрии. Семиречью была уготована роль “промышленной периферии”, где предусматривалась лишь некоторая модернизация местной промышленности, параметры которой могли изменяться лишь с санкции Центра.

21. Большевики рассматривали кадры национального рабочего класса в качестве главных проводников и носителей своих идей. Источником их формирования, в известной степени, можно считать пауперизацию казахского аула, разрушение дотла традиционной системы хозяйствования, искусственно спровоцированную деградацию скотоводческого комплекса казахов, т.е. обвальный кризис сельского хозяйства.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Опыт исследования древней истории Семиречья. - *Монография // Ассоциация молодых ученых и специалистов*. - Талды-Курган, 1991. - 8,9 п. л.
2. Очерки по истории Семиречья. Алматы, 1994. - 8,5 п. л. (в соавторстве).
3. Solamdy-sajasi j. ne ekonomikaljy terminderdi usaldig. - Алматы: изд. КИМЭП, 1994. - 10,1 п. л. (в соавторстве).
4. Sazirgi joldanystaly ja Ua terminologialjy anyjtamalyly. - Алматы: Республиканский Издательский комитет, 2000. - 13,5 п. л. (в соавторстве).
5. Общественно-экономические последствия введения военного коммунизма в Семиречье. // Учебное пособие. - Алматы: Ғылым, 2000. - 2,25 п. л.
6. Некоторые проблемы из истории Джаркентского уезда // Отан тарихы. - Алматы, 2001. - № 4. - 0,25 п. л.
7. Сельское хозяйство и крестьянская община Жетысу на рубеже XIX-XX вв. // Учебное пособие. - Алматы: Дарын, 2001. - 1,16 п. л.
8. Этноструктура, хозяйственные традиции народонаселения Жетысу (конец 19 начало 20 века). // Материалы научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения профессора С.А.Аттокурова. - Бишкек: Изд-во НАН Кыргызской Республики, 2002. - 0,312 п. л.
9. К вопросу о характере сельской социальной структуры дореволюционного Семиречья. // Материалы международной научной конференции. - Алматы: ун-т «Туран», 2002. - 0,312 п. л.
10. Экономика Семиречья (конец XIX - начало XX века). // Материалы II международной конференции «Социальные и экономические аспекты развития региона: потенциал, проблемы и перспективы». Т. 1. - Павлодар, 2002. - 0,4 п. л.
11. Локалитеты земледельческого типа хозяйственно-культурной деятельности в дореволюционном Семиречье и их экологическая опосредованность. // Материалы международной научной конференции. - Алматы: университет «Туран», 2002. - 0,187 п. л.
12. Экономическая история Жетысу (конец XIX - начало XX века). - Нукус: Национальная Академия наук Республики Узбекистан, 2002. - 6,5 п. л.
13. Особенности становления системы образования в Семиречье. // Учебное пособие. Алматы: Ғылым, 2002. - 4,06 п. л.
14. К вопросу о проникновении капиталистических отношений в переселенческую общину Семиречья // Материалы международной конференции "Региональное сотрудничество: противоречия, сближение, новый экономический порядок". - Алматы: университет "Туран", 2002. - 0,25 п. л.
15. Жетысу на рубеже столетий. // Учебное пособие. - Алматы: Кайнар, 2002. - 3,06 п. л.
16. Жаркентский уезд Казахстана: 20-е годы. // Материалы международной научно-практической конференции «Образование и наука Казахстана на рубеже тысячелетий». - Талдыкорган, 2002. - 0,25 п. л.
17. Формирование системы образования в городе Талдыкорган. // Материалы международной научно-практической конференции института "Жетысу". - Алматы: Ғылым, 2003. - 0,312 п. л.
18. Этноструктура Семиречья (конец XIX - начало XX века) // Материалы международной научно-практической конференции института "Жетысу". - Алматы: Ғылым, 2003. - 0,25 п. л.

19. Сельскохозяйственный рынок Семиречья в начале XX века. // Материалы междунар. научно-практич. конференции института "Жетысу". - Алматы: Ғылым, 2003. - 0,3125 п. л.
20. Становление системы образования в Казахстане (середина XVIII - начало XIX века). // Материалы международной научно-практической конференции института "Жетысу". - Алматы: Ғылым, 2003. - 0,437 п. л.
21. Семиречье в начале XX века. // Учебное пособие. - Алматы: Ғылым, 2003. - 4,0 п. л.
22. Семиречье в первой трети XX века (социально-экономическая и общественная история). - *Монография*. - Алматы: Ғылым, 2003. - 14,5 п. л.
23. Общественно-политическая жизнь Семиречья в 1917 году // Доклады НАН РК. - Алматы, 2004. - №2. - 0,625 п. л.
24. Семиречье - очаг национально-освободительного движения. // Вестник НАН РК. - Алматы: Ғылым, 2004. - №2. - 0,437 п. л.
25. Национально-территориальное размежевание Средней Азии. // Вестник НАН РК. - Алматы: Ғылым, 2004. - №2. - 0,25 п. л.
26. Регулятивные акции Советской власти в области аграрных отношений в первой трети XX века. // Вестник НАН РК. - Алматы, 2004. - №6. - 0,625 п. л.
27. Коллективизация в Семиречье // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия историческая. - Алматы, 2004. - №1 (32). - 0,187 п. л.
28. Промышленная индустриализация в Семиречье // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. - Серия историческая. - Алматы, 2004. - №14 (35). - 0,18 п. л.
29. Школьное и профессиональное образование в дореволюционном Казахстане. - Киев, 2004. - 0,25 п. л.
30. Семиречье в период НЭПа // Диалог цивилизаций. Взаимодействие культур, народов и государств в зоне Великого Шелкового пути. - Бишкек: Илим, 2004. - №1 (6). - 0,562 п. л.
31. От кризиса «бестоварной утопии» к новой экономической политике (Семиречье в период нэпа). - Бишкек: Илим, 2004. - 2,125 п. л.
32. К вопросу о вхождении Семиреченской области в состав Казахской АССР // Социальные и гуманитарные науки. - Бишкек, 2004. - № 3 - 4. - 0,3 п. л.
33. Этническое представительство Семиречья на рубеже XIX - XX веков // Социальные и гуманитарные науки. - Бишкек, 2004. - № 3 - 4. - 0,4 п. л.
34. Политика промышленной модернизации в Семиречье // Известия вузов. - Бишкек, 2004. - № 7. - 0,9 п. л.
35. Роль Турксиба в социально-экономическом развитии Семиречья // Известия вузов. - Бишкек, 2004. - № 7. - 0,4 п. л.
36. Влияние политико-экономических реформ России на становление образования в Семиречье: конец XIX начало XX века (на английском языке) // Труды института мировой культуры. - Выпуск IV. - Война. Мир. Духовное наследие. - Бишкек - Лейпциг: Илим, 2005. - 0,687 п. л.
37. О некоторых проблемах становления мусульманской системы образования в Средней Азии и Семиречье // Педагогические науки. - Москва, 2005. - №1. - 0,5 п. л.
38. Новая экономическая политика Советского государства на территории Семиречья // Вестник Кузбасского государственного технического университета. - Кемерово, 2005. - №1. - 0,2 п. л. (в соавторстве).
39. Семиреченский областной казахский съезд // Исторические науки. Москва, 2005. - №1. - 0,375 п. л.
40. Становление промышленности Семиречья // Гуманитарные науки. - Москва, 2005. - №2. - 0,3 п. л.

РЕЗЮМЕ

Капекова Гульнар Абдулаевна

Семиречье в первой трети XX века:
социально-экономическая и общественная история

Ключевые слова: Семиречье, первая треть XX века, социально-экономическая, общественная жизнь, этноструктура, «военно-коммунистический» террор, национально-территориальное размежевание, сталинская модель социализма.

Семиречье первой трети XX века, как маргинальная («пороговая») историко-культурная провинция со своей хозяйственной разновекторностью и полиэтничностью в структуре народонаселения является неординарным объектом для исследователя.

История Семиречья впервые рассматривается в жанре исторической регионалистики, и, вне всякого сомнения, имеет достаточно мощные практические предпосылки для своего изучения, прежде всего потому, что постсоветское общество находится в стадии модернизации.

В обобщенном и систематизированном виде дан анализ социально-экономической и общественной жизни Семиречья начала XX века. Концептуально по-новому интерпретируются на «семиреченском материале» такие фундаментальные сюжеты дореволюционной и начальной советской истории, как роль общинной кооперации в освоении природной среды, степень вторжения власти в традиционные структуры и ее пределы в условиях царизма и большевизма.

В диссертации исследуются изменения в хозяйственных традициях и этноструктуре региона, подчеркивается аграрная доминанта в структуре его производительных сил, колониальный характер промышленной инфраструктуры, рассматривается роль и значение Семиречья в народно-освободительной борьбе.

Новые подходы теоретико-методологического свойства задействованы в исследовании реформ периода нэпа, в результате чего их историческое содержание обретает качественно иные оценки. В работе рассматриваются коллизии общественно-политической жизни Семиречья в первые годы революции, раскрывается практика политики «военного коммунизма» и развязанный в ходе её террор. С новых позиций исследуются регулятивные акции государства в сфере аграрных отношений, рассмотрены наиболее репрезентативные тенденции промышленности Семиречья.

Диссертация состоит из введения, 4-х глав, заключения и библиографии.

РЕЗЮМЕ

Капекова Гульнар Абдулаевна

XX кылымдын баштапкы үчтөн бир бөлүгүндөгү Жети-Суу:
социалдык-экономикалык жана коомдук турмуштун көйгөйлөрү

Негизги сөздөр: Жети-Суу, XX кылымдын баштапкы үчтөн бир бөлүгү, социалдык-экономикалык, коомдук турмуш, улуттук түзүлүш, «аскердик-коммунисттик» террор, улуттук аймактарга бөлүнүү, социализмдин сталиндик үлгүсү.

XX кылымдын баштапкы үчтөн бир бөлүгүндөгү Жети-Суу өзүнүн түркүн чарбалуу жана калкынын түзүлүшү көп этникалуу маргиналдык (өтмө) тарыхый-маданий провинция катары изилдөө үчүн өзгөчө маанилүү объект болуп саналат.

Жети-Суунун тарыхы тарыхый регионалистика жанрында биринчи жолу каралып жатат жана баарынан мурда постсоветтик коом модернизация стадиясында тургандыгына байланыштуу бул изилдөө үчүн практикалык жактан жетишерлик денгээлде шарттар түзүлгөндүгү шексиз.

XX кылымдын башындагы Жети-Суунун социалдык-экономикалык жана коомдук турмушуна жалпы жана системалуу түрдө анализ берилген. «Жети-Суу материалында» революцияга чейинки жана совет тарыхынын башталышындагы коомдук кооперациялардын табият чөйрөсүн өздөштүрүүдөгү ролу, падышачылык жана большевизм шарттарында бийликтин салттык түзүлүшкө жана анын чектерине кирүү даражасы өндүү фундаменталдык сюжеттер концептуалдык жактан жаңыча интерпретацияланат.

Диссертацияда региондогу чарба салттарындагы жана этникалык түзүлүшүндөгү өзгөрүүлөр изилденип, өндүргүч күчтөрүнүн түзүлүшүндө агрардык доминанта, өнөр жай инфраструктурасындагы колониалдык мүнөз баса белгиленет, элдик-боштондук күрөштөгү Жети-Суунун ролу жана мааниси каралат.

Жаңы экономикалык мезгилдеги реформаларды изилдөөдө теориялык-методологиялык жаңы ыкмалар пайдаланылып, натыйжада алардын тарыхый мазмуну сапаттык башкача баа алат. Иште революциянын алгачкы жылдарындагы Жети-Суунун коомдук-саясий турмушунун коллизиялары талданып, «аскердик коммунизм» саясатынын практикасы жана анын жүрүшүндөгү террор ачылып берилет. Мамлекеттин агрардык мамилелер чөйрөсүндөгү регулятивдик акциялары жаңы позициядан изилденет. Жети-Суудагы өнөр жайдын бир кыйла репрезентативдүү багыттары каралат.

Диссертация кириш сөздөн, төрт баптан, корутундудан жана библиографиядан турат.

Resume
Gulnar Abdulaevna Kapekova

**Zhetysu in the first third of the 20th century:
Problems of socio-economic and public life**

Key words: Zhetysu, first third of the 20th century, socio-economic and public life, ethnic structure, 'military communist' terror, national and territorial delimitation, Stalin's model of socialism.

The Zhetysu of the first third of the 20th century as marginal ("threshold") historical cultural province with diversity of its economy and multiethnic structure of the population is not an ordinary research object.

It is for the first time that the history of Zhetysu is considered in the genre of historical regional studies, and, beyond any doubt, this possesses serious practical preconditions, the first of them being modernization of the post-Soviet society.

The analysis of socio-economic and public life of the Zhetysu in the beginning of the 20th century is given in generalized and systematic way. Such fundamental plots of the pre-revolutionary time and beginning of the Soviet history, as the role of community cooperation in development of natural environment, degrees of authorities intervention into the traditional structures and its limits in times of tzarism and bolshevism are interpreted in a conceptually new way on the "Zhetysu materials".

In the dissertation the changes in economic traditions and ethnic structure of the region are investigated. The agrarian majorant in its productive forces structure and a colonial character of the industrial infrastructure is underlined. Also the role and importance of Zhetysu in people's liberation struggle is examined.

The use of new theoretical and methodological approaches in research of the New Economic Policy reforms causes quite different estimation of their historical contents. Collisions of the Zhetysu political life during the first years of revolution are considered in the work, as well as the practice of 'the militarism communism' and accompanying terror policy is revealed. The regulative actions of the government in agrarian relations are investigated from new positions.

The dissertation consists of Introduction, four chapters, Conclusion and Bibliography.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Объем 2, 62 п.л.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии Ч.П. «Абыкеев А.Э.»

г. Бишкек. ул. Абдумомунова -193

тел. 62-20-48